

Санкт-Петербургский государственный университет

ЩЕРБАКОВ Михаил Иванович

Выпускная квалификационная работа

Цели и задачи «Топики» Аристотеля как учебного руководства

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5804 «Классическая филология и античная традиция в мировой культуре»

Научный руководитель:
профессор Кафедры классической
филологии,
Верлинский Александр
Леонардович

Рецензент:
главный научный
сотрудник,
Институт истории
естествознания и
техники им. С.И.
Вавилова РАН,
Жмудь Леонид Яковлевич

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

Введение.....	3
Обзор исследовательской литературы.....	5
Глава 1. Свидетельства о тренировочных диспутах в платоновской Академии	9
§ 1. Эленктический метод ранних диалогов Платона.....	9
§ 2. Метод поздних диалогов Платона.....	16
Глава 2. Сравнение диалектики Платона и Аристотеля.....	34
§ 1. Сходства и отличия диалектики Платона и Аристотеля.....	34
§ 2. Упражнения в диалоге «Парменид».....	39
§ 3. Упражнение в «Софисте».....	42
§ 4. Отличительные черты диалектики Аристотеля.....	49
Глава 3. Диалектические упражнения в свете целей и пользы «Топики».....	53
§ 1. Датировка и структура.....	53
§ 2. Раннее ядро «Топики».....	58
§ 3. Упражнения как польза «Топики» и цели трактата.....	64
Заключение.....	78
Список литературы.....	80

Введение

Диалектика — это диалог двух человек в форме вопросов и ответов, при котором спрашивающий, требуя от отвечающего только согласия либо несогласия с поставленными вопросами, намеревается построить логический вывод, опровергающий либо подтверждающий изначальный тезис. «Топика» Аристотеля, будучи самым большим сочинением логического корпуса, является руководством по диалектике, в котором обсуждаются самые разные аспекты диалектического спора, начиная с того, как с логической точки зрения из множества посылок правильно построить умозаключение, заканчивая тем, как располагать вопросы и использовать психологические приемы при ведении дискуссии. Этим она очень сильно отличается от концепции диалектики Платона. Между тем, в самой «Топике» Аристотеля существуют различные упоминания, как упражняться в диалектическом споре. *Предметом* данного исследования являются диалектические упражнения в «Топики» Аристотеля.

Цель исследования — разобрать генезис и действительное назначение диалектических упражнений, а также выяснить их место в «Топике» наряду с теми задачами и пользой, которые преследует трактат. Для достижения поставленной цели сформулируем такие *задачи*: 1) выявить связь диалектических упражнений в диалогах Платона с «Топикой» Аристотеля и дискуссиями в Академии; 2) исследовать отличие диалектики Платона от диалектики Аристотеля; 3) выяснить место упражнений в «Топике».

Актуальность исследования заключается в том, чтобы выяснить истинность доминирующего в современной науке взгляда на назначение предмета исследования. Работа является отправной точкой для дальнейшего изучения «Топики» Аристотеля в контексте логико-филологических исследований.

Структура данной работы имеет следующий вид. Исследование состоит из введения, трех глав и заключения. Непосредственно за введением следует обзор исследовательской литературы и формулируется тезис исследования. В первой главе рассматривается генезис диалектики в творчестве Платона, обучение ей в контексте образовательной программы «Государства» и выясняется статус диалектических дискуссий в Академии. Во второй главе рассматривается связь упражнений «Топики» с программой обучения «Государства», а также с упражнениями из диалогов «Парменид» и «Софист». В третьей главе разбирается место упражнений в «Топике» Аристотеля, а также их связь с целями и пользой трактата. Исследование завершается заключением и списком литературы.

Обзор исследовательской литературы

В современной науке доминирующий взгляд на упражнения в «Топике» гласит, что эти упражнения были основаны Платоном в Академии, носили институциональный характер, и, наконец, были приведены Аристотелем к регламентированной и систематической форме. Эта точка зрения в том или ином виде вошла в энциклопедии и сборники¹.

Традиционный взгляд на предмет исследования, выраженный в работах Грота, Гомперца и некоторых др. — «Топика» отражает практику реальных философских споров, представление о которых дают ранние диалоги Платона и которые продолжались во времена Аристотеля. Грот полагал, что упражнение в диалектике — это «тренировка ума»², методология которой поможет проводить дебаты более эффективно и легко. Сами диалектические дебаты, по предположению Грота, даже объясняют аристотелевские ἐξωτερικὰ λόγους, которые могли быть как устными дебатами, так и письменными диалогами. Аналогично Гомперц видит в «Топике» орудие для споров, занимающих философские школы того времени, предназначенное для слушателей аристотелевских лекций, либо читателей самого сочинения. Между тем, ему кажется не достаточно авторитетным мнение, что «Топика» используется в педагогических целях, для повышения проницательности

¹ «First, there appears to have been a form of stylized argumentative exchange practiced in the Academy in Aristotle's time. The main evidence for this is simply Aristotle's Topics, especially Book VIII, which makes frequent reference to rule-governed procedures, apparently taking it for granted that the audience will understand them.» См. В Стенфордской энциклопедии: Smith 2017: 8.3.1 Gymnastic Dialectic; также в «Aristoteles Handbuch Leben – Werk – Wirkung» см. Malink 2011, 72. Хотя в Оксфордском сборнике под упражнениями понимается просто «intellectual training», см. Reeve 2012, 161.

² «mental training» Grote 1872, 391. Это понимание упражнений унаследовал Форстер см. его перевод «Топики» Forster. Aristotle. Topics 1960, 277.

учеников с помощью практики, закрепляющей необходимые привычки³. Как мы можем увидеть у этих ученых ещё отсутствовало представление об институциональных упражнениях, основанных Платоном и проводимых в Академии. Стоит сказать, что метафора «упражнения души» (γυμνασίαν τῆς ψυχῆς), противопоставленная упражнению тела, уже использовалась Александром Афродисийским (In Top. 27.23-31)⁴ и Исократом (Antid. 266)⁵.

Э. Капп, используя представление об упражнениях как «тренировке ума»⁶, предложил понимать γυμνασία как некоторого рода гимнастику, основанную в Академии уже Платоном, и лишь получившую свой метод в «Топике»⁷. Эта гипотеза была воспринята Г. Райлом, по мнению которого «Парменид» был написан для уже подготовленных в философских дискуссиях учеников, а попытки найти в диалогах Платона указания на подобную практику побудили исследователя полагать, что в «Государстве» существует подтверждение тому, что сам Платон не приступал к обучению диалектике, если обучаемый был моложе 30 лет⁸. Р. Робинсон о дискуссиях в

³ Gomperz 1912, 44.

⁴ «Ведь как в риторических упражнениях ...точно так же в диалектических упражнениях знающие метод могут легче находить аргументы к предложенным тезисам. А такое упражнение в рассуждениях полезно для поиска истины и аргументов в отношении исследуемых предметов, и как сам Аристотель дальше скажет, диалектика полезна для философии: ведь это подготавливает душу. Ибо подобно тому, как упражнения тела, выполняемые по правильной технике доставляют телу крепость и силу, так и упражнения души в аргументации доставляют душе особую силу. А способность рациональной части души, которая заключается в поиске истины и правильном суждении, и становится этой особой силой.»

⁵ Напрм., см. Исократ 213, 357, под таким упражнением понимается занятие разного рода науками: геометрией, астрономией и др.

⁶ Капп 1942, 64.

⁷ Подтверждает ссылкой на Parm. 135c-d: Капп 1931, 264.

⁸ Со ссылкой на Resp. 537d-539: Ryle 1968, 71.

Академии высказывался более аккуратно — нет достаточных оснований однозначно считать, что существовала такая практика⁹.

Среди современных исследователей мнение Э. Каппа разделяет О. Примавези, который полагает, что упражнения носили институциональный характер¹⁰. Р. Смит, развивая институциональную интерпретацию, предположил наличие судей при диалектическом турнире, которые устанавливают победителя¹¹. А Я. Финк, пытаясь собрать различные мелкие детали этого турнира, в качестве судей усматривает не специальных «должностных лиц», а слушающую публику¹².

Высказывались сомнения в справедливости этой гипотезы. Отсутствие каких-либо прямых свидетельств существования диалектических упражнений в Академии отмечено некоторыми учеными (напр. Глюкером); неоправданно узкая интерпретация «Топики» как руководства для учебных дискуссий (на это обратил внимание Бруншви́г в своей рецензии на книгу Примавези¹³; Примавези смягчил свою позицию в более поздних работах¹⁴).

Несмотря на отдельные сомнения, высказывавшиеся в науке, предполагаемые упражнения в Академии и их гипотетическое отражение в «Топике» еще не было предметом комплексного изучения (в большинстве работ эти темы рассматриваются отдельно, причем авторы работ о «Топике»

⁹ Robinson 1931, 437-442.

¹⁰ «insbesondere denkt Aristoteles hier nicht an beliebige Gespräche in Frage und Antwort, sondern an eine bestimmte, institutionalisierte Form des Gesprächs, nämlich an das dialektische Übungsgespräch (Gymnasia).» Primavesi 1996, 31.

¹¹ Smith 1997, 139.

¹² Со ссылкой на SE 169b 31: Fink 2012, 11-12.

¹³ Brunschwig 1998, 335–340.

¹⁴ См. в Primavesi 2011, 206-208 уже нет институциональных форм дискуссионных упражнений, основанных Платоном, но упражнения являются первичным назначением «Топики» *ibid.* 208. Хотя в этом же сборнике у другого исследователя «институциональные формы» Примавези превратились в «регламентированные»: «Die aristotelische Dialektik hat ihren historischen Ursprung in einer reglementierten Form von Argumentationsübung, die in Platons Akademie gepflegt wurde.» Malink 2011, 72.

считают несомненным существование этих академических упражнений и наоборот – исследователи Академии ссылаются на «Топику» как отражение этих упражнений).

Из этих трудностей вытекает план работы: в ней будут критически рассмотрены платоновские тексты, в которых прежние исследователи видели отражение диалектических упражнений; далее будут рассмотрены высказывания Аристотеля в «Топике» о цели этого сочинения, его ожидаемом практическом применении и месте «упражнения» среди этих практических назначений. В задачу работы входит не только критика гипотезы Каппа — Примавези — Смита, но и выяснение того, как мыслит Аристотель упражнение в диалектическом методе, которое несколько раз упоминается в «Топике».

В свете вышесказанного, сформулируем *тезис* данной работы: в Академии Платона не существовало институциональных, регламентированных упражнений, для которых Аристотель составил руководство в виде «Топики».

Глава 1. Свидетельства о тренировочных диспутах в платоновской Академии

§ 1. Эленктический метод ранних диалогов Платона

Центральная проблема данной главы — это вопрос о существовании практики тренировочных диспутов в платоновской Академии. Для решения этого вопроса мы рассмотрим те свидетельства, исходя из которых, мы знаем о преподавании диалектики, как её понимает Платон, и выясним, есть ли какая-либо связь между платоновским пониманием диалектики и преподаванием в Академии. Кроме того, стоит также рассмотреть, есть ли в творчестве Платона что-то аналогичное той процедуре опровержения и защиты тезиса путем вопросов и ответов, которую Аристотель называет диалектической и описывает в «Топике». Это поможет при решении вопроса об истоках диалектического метода Аристотеля – не ориентируется ли Аристотель скорее на сократовский метод ранних платоновских диалогов нежели на практику диалектических дискуссий в Академии.

В науке обычно различают три основных метода рассуждений, представленных в платоновских диалогах в виде конкретных примеров и (или) методологических описаний, которые рассматривают как разновидности диалектического метода: эленктический метод, метод допущений («гипотетический»), метод деления понятий («диайретический»)¹⁵.

¹⁵ Континуитет между этими разновидностями платоновского метода, а также их связь с аристотелевской диалектикой признается в следующих работах, несмотря на различия в понимании происхождения метода, его развития и характера влияния на Аристотеля: Robinson, 1953 (см. особ. с. 18-19); Stemmer, 1992; Fink, 2012, 2-15; Kullmann, 2012, 296-299.

Давно было замечено, что метод диалектических дискуссий, изображенный в «Топике», имеет много сходного с методом сократовского опровержения (ἔλεγχος) как он показан в ранних диалогах Платона, хотя между обоими методами есть и существенные различия. Большинство современных исследователей «Топики», однако, не придают этому сходству большого значения и видят в ней прямое отражение и формализацию практики обучения в Академии 350- начала 340 гг. Однако в это время Платон писал диалоги, диалектический метод рассуждения в которых сильно отличался и от сократовского эленктического метода, и от диалектического метода «Топики» — теперь доминирует не опровержение собеседника, но руководство младшим собеседником со стороны старшего, при котором младший обычно выражает согласие, выступая не от своего имени, но от имени сообщества¹⁶. Это различие побуждает поставить вопрос – не являются ли ранние платоновские диалоги не менее (или даже более) важным источником аристотелевской диалектической методологии, чем гипотетические упражнения поздней Академии. Поэтому в данной главе мы подробнее останавливаемся на характере эленктического метода, чтобы в дальнейшем, сопоставив его с методом «Топики», постараться понять, какие именно новшества вносит в методологию диалектических дискуссий Аристотель и каковы истоки этих изменений (влияние практики Академии или какие-либо иные).

«Эленхос» Сократа, изображенный в ранних диалогах Платона, это процедура опровержения в форме беседы, в которой спрашивающий с

¹⁶ На сходство метода «Топики» с методом «эленктических» диалогов и радикального отличия от диалектики поздних диалогов указывает Р. Робинсон (Robinson, 1931, 440-442). Он видит в этом трудность для предполагаемого им отражения в «Топике» академической практики упражнений, но находит выход в том, что оба типа дискуссий могли сосуществовать в Академии. Робинсон при этом осознает, что единственным свидетельством существования практики упражнений в Академии оказывается лишь сама «Топика» (с. 442, ср. с. 438).

помощью ряда вопросов намерен испытать или опровергнуть исходное утверждение отвечающего. Опровергая своих оппонентов, Сократ, как, по-видимому, и Платон, не отдаёт ясного методологического отчета в совершаемой процедуре. В ранних диалогах Платон не дает общей характеристики сократовского метода. Существительное ἔλεγχος («критическая проверка», «опровержение») и однокоренной глагол ἐλέγχειν широко используются платоновским Сократом в этих диалогах, но сами по себе они обозначают только критический и «атакующий» характер его аргументации и не служат ключом к логической стороне этого метода и целям, которые Сократ стремится достичь в ходе беседы. Тем не менее, поскольку беседы Сократа показывают сходные черты, ученые не оставляют попыток определить, что представляет собой его метод в общем плане.

В ходе беседы Сократ, задавая вопросы, подводит своего собеседника к выводу, противоречащему исходному тезису, в результате чего отвечающий вынужден признать ложность своего исходного утверждения. В основном положение своего противника Сократ считает ошибочным ещё до начала рассуждения. Иногда он говорит, что не знает искомого определения. Противоречие начальному тезису выводится не из самого тезиса или положений, которые следуют из этого тезиса, а из ряда тех посылок, которые предлагает Сократ и которые являются собственными убеждениями отвечающего¹⁷. Подбирая посылки, Сократу важно, чтобы собеседник в них действительно верил, а поэтому он требует от своего оппонента только лично его мнение (Gorg. 500b, Crit. 49c-d). Из этих посылок посредством дальнейших вопросов будет выведено заключение противоположное исходному тезису. Например, в «Критоне» Сократ опровергает утверждение, что необходимо считаться с мнением большинства (Crit. 44d), для этого он предлагает Критону согласиться с такими посылками (Crit. 47a-48a):

¹⁷ Р. Робинсон считал, что противоречащий тезис выводится из исходно принятого тезиса (Robinson 1953, 22-23, 28). См. опровержение Г. Властосом его позиции: Vlastos 1994, 3-4 и на с. 11 алгоритм сократовской аргументации, в понимании Властоса.

- (1) «следует почитать не мнения всех людей, а некоторых»;
- (2) «следует почитать благие мнения, а не дурные»;
- (3) «благие мнения – это мнения людей разумных, а дурные – неразумных»;
- (4) база индукции: «занимающийся упражнениями обращает внимание на мнение врача и педотриба, а не на мнение всякого человека»;
 - a. шаг индукции_i: «следует есть согласно мнению этого специалиста»;
 - b. шаг индукции_{ii}: «следует пить согласно мнению этого специалиста»;
- (5) иначе: «если считаться с мнением большинства, человек будет претерпевать зло»;
- (6) Критон: «зло будет причинено телу»;
- (7) Шаг индукции: «точно также нужно следовать мнению понимающего человека, а не мнению большинства» – «относительно справедливого и несправедливого»₁, «относительно постыдного и прекрасного»₂, «добра и зла»₃;
- (8) «не стоит жить с разрушенным телом, последовав мнению несведующих»;
- (9) «не стоит жить, когда разрушено то, что несправедливость портит, и чему справедливость приносит пользу»
- (10) «то, к чему относится справедливость и несправедливость, не является менее важным»
- (11) Вывод (утверждается): «следует заботиться о том мнении, которое высказывает человек понимающий справедливое и несправедливое, а не о мнении большинства».

Как мы можем увидеть из данного рассуждения, уже первая посылка противоположна исходному убеждению Критона по распределению элементов множества («некоторые», а не «все»), другие посылки

«изолированы» от тезиса и подбираются для вывода, а между исходным тезисом и заключением нет формального следования.

Затем Сократ доказывает, что в гимнастике нужно следовать мнению специалиста, а Заключение выводится, по сути, из индукции (4) и (7), база индукции выводится из (1)-(3). При этом, совершая опровержение, Сократ не ожидает от своего собеседника пространного рассуждения, он требует от него только согласия, либо несогласия с посылками.

Сократ делает вывод только из тех положений, которые принимает в качестве истинных его собеседник. «Эндоксические» посылки не принимаются; в том же «Критоне» дальше говорится, что обсуждение возможно, только если Критон примет в качестве истинного положение, что нельзя отвечать несправедливостью на несправедливость – то, с чем согласятся лишь немногие.

Не всякая тема может служить предметом для эленхоса и кажется, не существует какой-либо другой цели для опровержений Сократа кроме как поиска морально верного решения поставленной проблемы. Вышеприведенное рассуждение в «Критоне» касается вопроса «следует ли считаться с мнением большинства», а сам диалог ставит проблему справедливого закона, в других местах утверждается, что рассуждение касается того как нам необходимо жить (G. 500c 3-4 = Resp. 352d). В «Апологии», вступая в диалог с людьми, которые считаются мудрыми, и проверяя их мудрость, Сократ не имеет ясной цели, зачем он с помощью «эленхоса» испытывает людей. Опровергая их суждения, он показывает, что они не обладают знанием о самых важных вещах, хотя на первый взгляд выдают себя за мудрецов, либо имеют такую славу.

«Эленхос» может содержать негативную сторону: ирония как психологический прием часто вызывала гнев против Сократа и раздражение людей (Ap. 21e), а молодые и богатые люди часто использовали «эленхос» как некоторого рода игру (Ap. 23c, Resp. VII 539b). Однако далеко не всегда Сократ использует иронию. Напротив, опровержение очень часто представляет собой исследование конкретной проблемы. В этом смысле,

«эленхос» имеет позитивную сторону, заключающуюся в поиске истины, а поэтому такое исследование описывается словами σκολῶ, διασκολῶ, σκέλτομαι, διασκέλτομαι или ἐρεῦνω, διερεῦνω.

Сократовское опровержение, с одной стороны, близко к методу «Топики» Аристотеля, оно сближается с ней в той части, где «Топика» имеет опровергающую и кооперативную стороны, с другой стороны, оно отличается от «Топики» характером посылок. Опровержение Сократа направлено на собственное убеждение собеседника.¹⁸ Напротив, «Топика» опирается на «эндоксические» послылки, то есть на такие, которые кажутся само собой разумеющимся либо всем, либо большинству, либо самым мудрым (Тор. I, 1, 100b 21-23), кроме того она опирается на мнения специалистов в какой-либо конкретной области, например, врачей или геометров (Тор. I, 10, 104a 36-37). В «Топике» различаются обсуждаемые положения оппонента и те положения, которые служат исходными послылками для опровержения. В сократовской эленктической процедуре и те, и другие должны соответствовать убеждениям оппонента.

В диалектической дискуссии в «Топике» в качестве обсуждаемых положений (προβλήματα) могут приниматься любые, которые собеседник готов защищать — теоретические, то есть относящиеся к ведению теоретических наук в аристотелевской классификации и имеющие значение исключительно для познания; практические, то есть этические и политические, существенные для действия; логические, способствующие решению проблем двух первых классов (Тор. I, 11, 104b 1-12; 14, 105b). Соответственно различаются по родам знания и послылки, исходя из которых опровергаются утверждения оппонента. Есть определенные ограничения: из числа диалектических проблем исключается 1) обсуждение конкретных случаев, то есть любое утверждение должно иметь общий характер; 2)

¹⁸ «Ну уж нет, мне вовсе нет нужды разбираться в этих "если тебе угодно" или "если ты так думаешь". Давай просто говорить: "я думаю" и "ты думаешь". Я говорю в том смысле, что, если отбросить всякое "если", можно лучше всего разобраться в нашем вопросе.» (Pr. 331c)

утверждения, опирающиеся на данные чувств или, наоборот, противоречащие им как не заслуживающие обсуждения; 3) вступающие в противоречие с требованиями принятой морали и религии, так как они могут быть легко опровергнуты эндоксическими посылками¹⁹.

Посылки, из которых исходят как опровергающие, так и защищающие тезис, должны быть «эндоксическими», то есть соответствовать мнению либо всех людей, либо «мудрецов», то есть специалистов в соответствующей области знания — либо всех, либо большинства, либо наиболее известных и авторитетных (Тор. I, 1, 100b 20-23), однако с оговоркой, что мнения мудрецов не должны противоречить мнению большинства (104a 9-12). Смысл этой оговорки состоит в том, что предпочтение в диалектической дискуссии отдается посылкам, основанным на мнениях обычных людей, насколько они согласны между собой, и только если таких определенно выраженных мнений по данному вопросу не существует, нужно обращаться к мнениям специалистов.

Таким образом, различия между эленктическим методом Сократа и диалектическим методом «Топики» относятся и к тематике дискуссий, и к характеру посылок. Сама «Топика» опирается на собственно аристотелевскую классификацию логических суждений по типу предиката (сущность, род, специфическое свойство, привходящее свойство).

Стоит отметить, что в рассуждении из «Критона» опровергается «эндоксическое» утверждение²⁰. Опровержение Сократа не нуждается в подробном изложении точки зрения отвечающего, достаточно в краткой форме выразить согласие²¹, либо несогласие с посылками, что аналогично

¹⁹ Brunschwig 1984, 32-33

²⁰ В сущности, утверждение «следует заботиться о мнении большинства» является в своем содержании эндоксическим по классификации Аристотеля. «Ведь большинство-то не поверит, что ты сам не пожелал уйти отсюда, несмотря на все наши старания». — «А к чему нам, милый Критон, так сильно заботиться о том, что думает большинство?» (Ст. 44с).

²¹ Требование отвечать кратко есть в «Горгии» Gr. 449с.

встречается у Аристотеля («если спрошенное ясно и просто, то следует отвечать «да» или «нет»») *Тор.* VIII, 7, 160a 34).

Заключение у Аристотеля, аналогично Сократу, выводится не из самого тезиса, либо посылок, следующих из него, а из дополнительных посылок, с которыми предлагает согласиться спрашивающий (*Тор.* VIII, 1, 155b 34-37). Найдя нужные посылки, необходимо выставить топ (либо так называемую «необходимую посылку»), после которого нужно сделать умозаключение в форме некоторого силлогизма. Индукция используется ради того, чтобы получить такую посылку, через которую посредством силлогизма будет получено нужное заключение (*Тор.* VIII, 1, 155b 34-37).

Таким образом, сходство диалектики Аристотеля и Сократа ранних диалогов хотя и заключено в достаточно общих чертах, — кооперативное исследование или опровержение тезиса, диалог с краткими ответами, использование индукции и умозаключений, — тем не менее теория спора Аристотеля испытала некоторые черты философии Платона, например, деление понятий, что стало источником для разделов «Топики» об определении, роде и виде²².

§ 2. Метод поздних диалогов Платона

В диалогах «среднего» периода (ранее всего в «Меноне», который считается переходным от раннего к среднему периоду) платоновский метод приобретает «конструктивные» черты; он становится методом отыскания или доказательного обоснования истины, в том числе методом познания идей.

²² Стоит согласиться с Я. Финком в том, что диалог Сократа имеет общие стороны как с Платоном, так и с Аристотелем, однако Финк по инерции добавляет, что источником для «Топики» служат и диалектические дебаты в Академии (см. Fink 2012, 3); правдоподобно, что понятие топа, связанное с рода-видовыми аспектами «Топики», предвосхищается делением понятий Платона (Fink 2012, 8).

Наиболее наглядно новый метод используется в «Федоне» как метод непрямого доказательства, исходя из «гипотез», то есть допущений²³.

Однако в «Федоне» Платон не называет этот метод «диалектикой». В это время термин «диалектик» появляется только в «Евтидеме» 290c, «диалектически» в «Меноне» 75d, а «диалектика» будет названа искусством рассуждения только в «Федре» 276e. Все эти употребления не дают основания говорить, что у Платона появляется хоть какие-то намеки на намерение разыгрывать дискуссии между своими учениками. Из «Евтидема» 290c ещё не ясно, кто такой этот диалектик, которому должны передавать свои наработки математики, а само упоминание носит только иллюстративный характер и никак не развивает концепцию о сути диалектики. В «Меноне» 75 ясное противопоставление: эристика и агон против дружеского исследования вопроса. Сократ разъясняет, что значит вести дискуссию диалектически — это «не только отвечать правдиво, но и исходить из тех посылок, которые отвечающий смог бы принять» (75d). В этом месте лаконично сформулирована идеология опровержения Сократа ранних диалогов: дружеский спор и набор посылок, которые может принять отвечающий. Последнее соответствует выше оговоренной гипотезе Властоса, согласно которой для опровержения необходимы дополнительные посылки, вызывающие одобрение у отвечающего. В «Федоне» кроме того, что ещё нет названия для нового метода, нет и каких-то намеков, что так должны спорить ученики, практикуя свои дискуссионные навыки. В итоге можно сказать, что все указанные тексты не дают повода считать, что потенциальные ученики Платона должны спорить по каким-то заранее известным принципам, чтобы постановочные или институциональные дискуссии стали опорой для

²³ В более раннем «Меноне» использование этого метода не ведет к установлению истины: вопрос о том, можно ли научиться добродетели, решается не прямо, но через допущение, равносильное искомому утверждению, что добродетель есть знание; после доказательства, что это допущение верно, следует вывод, что спорное искомое положение истинно; затем, однако, Сократ опровергает утверждение, что добродетели можно научиться, и делает из этого вывод, что добродетель не является знанием.

реализации некоторых целей. В этих текстах однозначно даже нет намека на развитие такой концепции.

Главным логико-философским новшеством Платона в поздних диалогах (начиная с «Федра») становится метод деления понятий («Федр», «Софист», «Политик», «Филеб»). В это время Платон уже начинает употреблять слово μέθοδος в терминологическом значении²⁴. Всё так же диалектической Платон называет беседу между двумя или несколькими собеседниками в форме вопросов и ответов, направленную на обоснование и опровержение какого-то философского положения. Использование метода претерпевает существенные изменения по мере развития платоновского учения: в ранних диалогах мы видели много примеров применения метода опровержения, но редки методологические рассуждения, а в средних и поздних часты теоретические рассуждения о методе, но мало его практического применения²⁵. Однако важнейшим формальным признаком, несмотря на эти изменения, остается ведение беседы в виде вопросов и ответов.

О делении понятий действительно существует упоминание у комедиографа Эпикрата, согласно которому Платон, Спевсипп и Менедем обучали этой процедуре мальчиков в Академии²⁶. На вопрос, чем занимаются (διατρίβουσιν) эти философы, собеседник даёт подробный ответ. Стоит детальней разобрать это место:

«на Панафиней, увидев толпу мальчишек в гимнасии Академии, я услышал речи несказанно странные: давая определения относящегося к природе, они производили деления жизни животных, естества растений и родов овощей. Потом в числе этих последних они стали исследовать, к какому роду относится тыква... Сперва они заняли свои места и, склонив в задумчивости головы, напряженно размышляли весьма длительное время.

²⁴ В нетерминологическом значении слово, по-видимому, не использовалось. См. на этот счет убедительную аргументацию Р. Робинсона: Robinson 1953, 71-72.

²⁵ См. подробнее: Robinson 1953, 62-63.

²⁶ Epicrat. Fr. 10 Kassel – Austin (Poetae Comici Graeci V, p. 161-163).

Наконец, когда все остальные ещё пребывали в размышлении, один юноша неожиданно сказал, что это круглый овощ, другой возразил ему, сказав, что это растение, а третий, что это дерево... Платон, который был с ними, весьма смиренно и ничуть не раздражаясь, велел им снова определить, к какому роду относится тыква; они стали производить деления»²⁷.

Во-первых, данная цитата принадлежит комедиографу и, с большей долей вероятности, не является правдоподобной, поскольку показывает нам комедийную, гиперболизированную сцену²⁸. Само по себе составленное деление кажется литературному персонажу странным. Стоит заметить, что в этом месте не идет речь о диалоге в форме вопросов и ответов. Но можно ли от этой истории умозаключать к тому, что сама процедура предназначена для молодых философов? Мне представляется, что нет. Во-первых, потому что Платон серьезно относился к своему методу и совершенствовал его (а верить в противоположное у нас не так много оснований), поскольку сама процедура от «Софиста» к «Политику» заметно совершенствуется, (если «Политик» подлинный). К примеру, в «Политике» 262 существует рассуждение об отношении частей (μέρος) и классов (γένος, εἶδος или «типов», если говорить более современным языком), о необходимости делить не только на два вида и т.д.²⁹ Во-вторых, теория о родах и видах вместе с делением понятий интересует учеников Платона, ведь сочинения на эти темы есть у Спевсиппа («О родах и видах образцов»³⁰, к теме деления понятий

²⁷ Цитата по Шичалин 2017, 60.

²⁸ Существовали исследователи, которые считали, что в этой сцене представлены проводимые Платоном семинары по зоологии и ботанике (см. Burnet 1914, 182-187; Shorey 1933, 29-31. Крайне скептическое отношение к этой точке зрения и правдоподобности всей сцены Cherniss 1945: 62-63; согласие с Черниссом см.: Glucker 2020, 96-97). Диллон считает её правдоподобной (Диллон 2005, 18), поскольку такой она могла показаться «случайному прохожему»; однако если она выдумана, то она не могла никому такой показаться. Аналогично, если она фиктивна, то она не может отражать институциональные упражнения, как предполагал Ю.А. Шичалин (см. Шичалин 2017, 60).

²⁹ См. более подробнее Fossheim 2012, 94-95.

³⁰ DL IV, 5. Περὶ γένων καὶ εἰδῶν παραδειγμάτων

может относиться сочинение «Разделения и предположения к сходному»³¹), Ксенократа («О родах и видах», «Разделения»³²), Аристотеля («Разделения», «К разделениям»³³). Критически осмысленная теория деления понятий находит воплощение в зоологическом проекте философа. К важным пунктам критики Аристотеля дихотомического деления относятся: (i) необходимость учитывать внутреннее строение животного (в его примере наличие крови и её отсутствие *De Part. Animal.* 643a 5-8); (ii) не производить дихотомическое деление по признаку лишенности (не может быть вида «безногих», «бескрылых» 643a 15-16); (iii) запрет за видовое отличие принимать привходящее (643a 28-31 = *Top.* 144a 20) и т.д. Такой отклик на дихотомическое деление понятий означает, что Платон относился к своему методу серьёзно, ведь он является частью диалектики, а для него диалектика — это ещё и основной философский метод, прежде всего метод исследования идей, то есть сущностей, которые являются реальностями метафизического порядка, но познание которых является одновременно достижением истины в сфере этики, политики, космологии. Во-вторых, такой отклик на метод деления понятий показывает, что философы академического круга продолжали им заниматься сами, а свидетельств у Аристотеля о преподавании этого метода молодым людям нет.

У метода деления понятий появляется особенность, отличающая её от опровержения Сократа в плане использования метода. Деление требует заранее разобраться в предмете и, проанализировав его, построить дерево родовидовых отношений, а опровержение Сократа достаточно спонтанно и нуждается только в умении *ad hoc* приводить наглядные сравнения, строить индукцию, и подбирать нужные посылки. Опровержение требует больших интеллектуальных способностей непосредственно в процессе спора. Напротив, производя деление понятий, спрашивающий должен уже заранее

³¹ Ibid. Διαρέσεις καὶ πρὸς τὰ ὅμοια ὑποθέσεις

³² DL IV, 13. Περὶ γενῶν καὶ εἰδῶν α', Διαρέσεις η'.

³³ DL V, 23 Διαρέσεις ιζ', Διαρετικὸν α',

знать все необходимые ему ветки родовидового дерева, а поэтому он ничему не научается в процессе этой процедуры³⁴. Ведь если спрашивающий не будет их знать, то скорее всего у него не получится так эффективно продемонстрировать рассуждение в форме вопросов и ответов в результате чего получилось бы такое стройное дерево как в «Софисте» или «Политике». Хотя в «Софисте» есть упоминание об упражнении на более простом предмете, — рыбаке, — однако здесь не видно намека на инсценировку такой дискуссии.

Для решения вопросов, поставленных в этой главе, особое значение имеет диалог «Государство», так как, во-первых, только в этом произведении содержатся прямые указания о месте диалектики в системе дисциплин, которые необходимо изучить будущему философу, во-вторых, этот диалог наряду с «Парменидом» является основным источником для поиска хоть каких-то зацепок к реконструкции регламентированных дискуссий, проводимых в Академии.

Согласно «Государству» (563d – 450a), обучение правителей осуществляется в процессе регулярных испытаний и отбора испытуемых. Существенными критериями служат хорошая память, трудолюбие и благородство (535c). Последовательность отбора осуществляется в несколько этапов: в детстве, юности, молодости и в 50 летнем возрасте. Смолоду претенденты обучаются арифметике и геометрии, а также занимаются физическими упражнениями до 20 лет. После отбора на следующем этапе они продолжают заниматься науками, проявлять мужество в войне и быть законопослушными гражданами. Далее в результате повторных испытаний осуществляется отбор новых претендентов, достигших 30 лет, которые начинают заниматься рассуждениями в течение 5 лет, тренируя свои навыки в диалектике. Занятия спорами не рекомендуется тем людям, которые являются безнравственными, потому что это приведет их к самопротиворечиям, например, они будут доказывать, что прекрасное

³⁴ Подробнее см. Fossheim 2012, 99.

безобразно, в результате чего философия может потерять свой авторитет. Собственно, для этого и необходим тщательный отбор по моральным основаниям. Наконец, 15 лет претендентам необходимо вести политическую жизнь, и только в 50 летнем возрасте они овладевают подлинным диалектическим «видением». Заметим, что в том месте, где говорится о диалектическом обучении (539a-d), мы не видим, чтобы Платон прямо говорил о необходимости институциональном преподавании диалектики. Акцент сделан в первую очередь на нравственном состоянии обучаемых, потому что подростки используют опровержения ради забавы, что чревато авторитету философии. Необходимыми науками, которые предшествуют обучению диалектике, оказываются счёт, геометрия, астрономия, музыка (Resp. VII).

Преподавались ли эти науки в Академии? На этот счёт существуют противоположные мнения. С одной стороны, есть точка зрения, согласно которой программа из «Государства» являлась программой по обучению в Академии³⁵. Точное применение этой программы невозможно, так как учениками Платона были люди, посвятившие себя по большей части философии, а не государственной деятельности, однако какое-то приближение к идеальной программе «Государства» Платон не мог не считать желательным. С другой стороны, обращая внимание на градацию и этапы образовательной программы в «Государстве» Marrou скептически отнесся к её связи с обучением в Академии, поскольку эта программа предназначена для «идеального» государства³⁶. В самом деле, это верная позиция, поскольку нельзя считать программу из «Государства» полностью реализованной в Академии. Напротив, если исследователь выбирает какой-то

³⁵ См. Burnet 1914, 182-187; Shorey 1933: 29-31

³⁶ См. Marrou 1965, 114–15. Эту точку зрения поддерживает Д. Глюкер, который обратил внимание на простую методологическую ошибку: очень часто исследователи дают волю своим предположениям, исходя из которых убеждают своего читателя в действительном положении дел. Его аргументация мне представляется убедительной. См. Glucker 2020, 89-91.

один её элемент и пытается встроить в свою интерпретацию, то в таком случае теряет смысл сказанное о нравственном воспитании, обучении войне и т.д. На том же самом основании, почему бы не считать, что Платон намеревался привести своих учеников к высокому нравственному совершенству? Поэтому стоит признать, что у нас нет никаких достоверных свидетельств об обучении в Академии³⁷.

Но если программа образования из Государства предназначена для «идеального» государства, были ли у Платона политические мотивы для основания Академии?

Существует точка зрения С.W. Müller на мотивацию Платона для создания Академии. Нам известно о намерениях философа к политическим преобразованиям, для которых он предпринял путешествие на Сицилию. Неудача на пути политической работы с правителем тех мест, и наоборот успехи Исократ в воспитании элиты, могут свидетельствовать в пользу того, что Академия задумывалась как сообщество друзей-единомышленников, овладевающих βασιλική ἐπιστήμη. Основными аргументами для такой интерпретации служат: (i) неудовлетворённость Платоном современным положением дел в политической жизни общества, его размышления о необходимости реформ с помощью философии (Седьмое письмо); (ii) успехи школы Исократ; (iii) наличие учеников Платона, которые принимали участие в политике³⁸. Существует упоминание о том, что некоторые ученики Платона предпринимали достаточно плодотворную политическую деятельность в области законотворчества. Так, согласно Плутарху, Евдокс написал законы книдянам, а Аристотель для Стагир (Ответ Колоту 112с). Мне представляется, что эта интерпретация не лишена рациональных оснований, однако далеко не единственной целью основания Академии служит обучение политической добродетели. По крайней мере кажется

³⁷ См. Krämer 2004, 1-165; Жмудь 2002, 153.

³⁸ К примеру, Пифон и Гераклид Эносские убили царя Фракии Котиса. О Академии как политическом сообществе см. подробнее: Müller 1994, 58-61.

правдоподобным тот факт, что участники Академии действительно представляли собой клуб единомышленников, которые периодически участвовали в праздничных обедах, поскольку существуют свидетельства о различных установлениях касательно таких встреч³⁹. Упоминание о симпозиях есть и в «Законах», где говорится, что они должны совершаться согласно определенным установлениям, потому что такие встречи не должны проходить «превратно» (Leg. 1, 639c-e). Однако, по-видимому, проект Платона не был столь ограничен, а простирался на большие сферы знаний.

С другой стороны, наличие в программе «Государства» нескольких математических предметов служит основанием для некоторых считать, что в Академии была хорошая математическая подготовка⁴⁰. Доказывая свой тезис о том, что в Академии не преподается метафизика, Чернисс находит в математике альтернативу⁴¹. Между тем, занятия до 30 лет исключительно математическими науками в Академии невероятно, так как Академия представляла собой философскую школу, учениками которой становились молодые люди около 20 лет или даже ранее. Однако Платон мог считать желательным изучение математики будущими философами за пределами школы. Поскольку учение Платона не было догмой для Академии, скорее всего не был догмой и курс наук для студентов Академии, но приверженность математике характерна для многих академиков⁴². В пользу

³⁹ Athenaeus V, 2 p. 186b: καὶ τοῖς φιλοσόφοις δὲ ἐπιμελὲς ἦν συνάγουσι τοὺς νέους μετ' αὐτῶν πρὸς τινα τεταγμένον νόμον εὐωχεῖσθαι. τοῦ γοῦν Ξενοκράτους ἐν ἀκαδημαίᾳ καὶ πάλιν <Ἀριστοτέλους> συμποτικοὶ τινες ἦσαν νόμοι.

Epitom. Ath. I p. 3f: ὅτι Ξενοκράτης ὁ Χαλκηδόνιος καὶ Σπεύσιππος ὁ ἀκαδημαϊκὸς καὶ <Ἀριστοτέλης> συμποτικὸς (βασιλικὸς codd.) νόμους ἔγραψαν. 4.26.181.1

Proclus in Plat. republ. p. 350 Bas.: καὶ ἐν τῷ συσσιτικῷ τοῦτον αὐτὴν (τὴν πολιτείαν) προσαγορεύει τὸν τρόπον καὶ ἐν τοῖς πολιτικοῖς ὡσαύτως καὶ Θεόφραστος ἐν νόμοις καὶ ἄλλοι πανταχοῦ.

⁴⁰ Д. Фреде утверждает, что Платон основывает канон из четырех наук, который позже будет назван квадриумом: см. Frede 2020, 127.

⁴¹ См. Cherniss 1945, 60.

⁴² О связях Академии с математиками см. Karasmanis 2020, 109-110.

этого может свидетельствовать сообщение Аристотеля о двух наблюдаемых им астрономических событиях. В *De caelo* Аристотель описывает, как он наблюдал (ἑώρακαμεν) покрытие Марса Луной⁴³. Для наблюдения возможны четыре даты, которые достаточно точно устанавливаются: 20 марта 361 года, 4 мая 357 года, 24 июня 340 года до н.э.⁴⁴ Эти даты дают две альтернативы: в первом случае Аристотель мог наблюдать покрытие Марса, когда учился в Академии, во втором случае, когда пребывал в Пелле или в Стагире. Другое наблюдение о небесных светилах, о котором сообщает Аристотель, находится в «Метеорологии» (I 6, 343b30). Аристотель пишет, что он наблюдал сближение звезды из созвездия Близнецов с Юпитером. Датировать можно с точностью до года: 360 г. (академический период), 348 г. (Аристотель еще учится в Академии или находился уже на Ассосе) и с 337 по 336 год (когда Аристотель пребывал в Стагире). Как можем видеть, оба свидетельства дают две альтернативы. Однако если мы выбираем первую, то это ещё не значит, что наблюдения проводились именно в Академии под руководством Платона⁴⁵.

⁴³ De caelo II 12, 292a3-6

⁴⁴ 8 сентября 336 года покрытие не было видно из Греции: более подробно о датировке и потенциальной связи этих наблюдений с Академией см. Vodnar 2020, 262-263.

⁴⁵ О Платоне как архитекторе наук в Академии см. Karasmanis 2020. В. Карасманис, как мне представляется, несколько инспирирован современными философским видением на основания математики. Один из его тезисов заключается в том, что Платон внёс значительный вклад в аксиоматизацию математики, но это анахронизм, потому что аксиоматизация математики — это проблема начала XX в. Стоит обратить внимание и на некоторые дефекты в аргументации, которые Карасманис допускает при обсуждении места из «Государства» в попытке отыскать подтверждения тому, что Платон — это руководитель математиков в Академии («у меня складывается впечатление, что Платон описывает себя в этом отрывке. Следовательно, руководитель — это кто-то вроде него, и разумно предположить, что в качестве главы Академии Платон действовал как руководитель, описанный в "Государстве".» Karasmanis 2020, 136). Наличие большого количества математической терминологии в сочинениях Платона и Аристотеля говорит в пользу того, что скорее математика повлияла на их философию, чем философия на

Наконец, диалектика в программе «Государства» протекает в два периода: (i) пятилетнее обучение с 30 лет; (ii) диалектическое «видение» с 50 лет. Несколько запутанную интерпретацию возраста обучаемых предложил Г. Райл. Согласно Райлу, Платон сам диалектике не обучает, что связано с его личным запретом, но почему-то позволяет обучать Аристотелю⁴⁶. Райл исходит из того, что Платон стремился осуществить в точности свои педагогические идеи в «Государстве», но сам признает, что это было невозможно. Такая конструкция оказывается несколько противоречивой, поскольку, с одной стороны, существует платоновский запрет, с другой, этот запрет никак не влияет на преподавательскую деятельность, а скорее является личным самоограничением Платона. В самом деле, если Платон считает опасным преподавание диалектики до 30 лет, почему он позволяет преподавать Аристотелю? Диалектика Аристотеля как формальное рассуждение из эндоксических посылок имеет мало чего общего с тем, что понимает под диалектикой Платон. Сам тип посылок, из которых Аристотель рекомендует строить умозаключения, не соответствует тому беспредпосылочному началу, о котором мы знаем из «Государства». 30 летний возраст связан со второй ступенью отбора претендентов, который относится в первую очередь к нравственному совершенству человека и чувству справедливости. Привычка всё опровергать, согласно Платону, приведет молодых людей к тому, что они потеряют доверие в глазах других, поскольку безрассудное применение опровержения приведёт и к самоопровержению, и падению авторитета философии (539c). В этом месте Платона в первую очередь интересуют нравственные качества приступающих к изучению диалектики, что противоречит трактовке Райла.

Как Платон видит обучение диалектике в «Государстве»? (i) Формально диалектика это сократовский метод вопросов и ответов. (ii)

математику. Критическое отношение к Платону как «архитектору» и организатору наук в Академии см. Жмудь, 2002: «Наука в платоновской Академии», 127-173.

⁴⁶ Ryle 1968, 69-79.

Метод рассуждения, который рекомендует Платон, является обоюдоострым: он предназначен в первую очередь для познания идей, но он может быть использован и для опровержений. У людей, обучившихся этому методу, но не прошедших испытания в интеллектуальной и нравственной стойкости, он превращается в орудие опровержения любых нравственных истин, и ведет в конечном счете к неверию в истину и отрицанию философии (539b-d). (iii) Истинное обучение диалектике предполагает подражание тому, кто желает рассуждать, чтобы исследовать истину (539c). А проверка диалектической способности состоит в том, чтобы проверить, способен ли человек узреть единство изученных им математических наук, или нет, ибо диалектик это тот, кто способен видеть в частном общее (συνολτικός 537c-d); это также способность, освобождаясь от чувственного, восходить к умопостигаемому бытию, идеям (ср. «Федон»). Качества диалектика это, таким образом, не только формальные способности, но научная подготовка, выработанные моральные и психологические свойства, а также теоретическая и специфическая метафизическая направленность познавательных интересов. (iv) Диалектика для Платона в период написания «Государства» — это метод, направленный на постижение идей. Это не формальная процедура рассуждения как у Аристотеля⁴⁷. (v) Использование диалектики для положительных целей не исключает ее использования для опровержения ложных воззрений как предварительной ступени (см. опровержение Фрасимаха и Главкона в «Государстве»). (vi) Обучение диалектике как формальному искусству не противоречит этим свойствам, однако такое обучение не упоминается Платоном. Характеристика правильного обучения как подражания тому, кто ищет истину, а не занят опровержением ради опровержения, скорее предполагает не формальное опровержение, но участие ученика в философской беседе, направленной на достижение истины. Идеальной формой обучения такому методу было бы участие в беседе молодых людей под руководством зрелого философа. Но у нас нет

⁴⁷ см. 505a – 506b, 509d – 511e, 531 – 534.

каких-либо свидетельств применения этого метода в преподавании Академии.

Среди исследователей, которые, опираясь на «Топику» Аристотеля, пытаются реконструировать институциональные упражнения, существует консенсус, что эти упражнения проходили в Академии. В свою очередь, такая опора на Аристотеля никого не привела к вопросу, почему упражнения проходили именно в Академии, а не в Ликее? А если и в Академии, то почему именно при Платоне? Ксенократ, второй схолярх Академии, прямо упоминается в «Топике» четыре раза и несколько раз он не называется по имени. Дважды по отношению к Ксенократу употребляется глагол φησὶν (Тор. 112a.37, 141a6-8). Только единожды позиция Ксенократа совпадает с позицией Аристотеля в Тор. 112a37, в остальных случаях речь идет о его неверных определениях (Тор. 141a6-8, 152a7-8). Платон упоминается три раза (Тор. 122b26-27, 140a3, 140b4), все три случая связаны с примерами неверных определений Платона с точки зрения теории определения Аристотеля. Один раз употребляется презенс, другой раз перфект: (Тор. 122b26-27: Πλάτων ὀρίζεται; 140b4: καθάπερ Πλάτων ὄρισται). В последнем примере обсуждается ошибочность определения души самого Ксенократа, а его имя умалчивается⁴⁸, в этой связи наминается точка зрения Платона. Если Аристотель пишет учебник для институциональных дискуссий, проводимых по регламентированным правилам для молодых академиков, то получается, что он их тренирует против философии основателя Академии и её приемника?⁴⁹ Стоит отметить, что Чернисс это и пытался увидеть в

⁴⁸ Ещё раз с умалчением это определение встречается в Тор 120b5, кроме того Аристотель дважды умалчивает имя Ксенократа, указывая на ошибочность этого же определения души в De anim. 404b29-30, 408b32-33.

⁴⁹ На этот счет существуют разного рода теоретические конструкции, предполагающие большое количество гипотетических предпосылок, например, см: Шичалин 2017.

В своем обзоре я скептически отнёсся к теории отражения Ю.А. Шичалина, который базируется на очень большом количестве гипотетических предпосылок; Щербаков 2020, 134-145.

критике определений Платона и Ксенократа, он полагал, что Аристотель готовил своих студентов к тому, что им придется полемизировать с членами Академии⁵⁰, то есть относил «Топику» ко второму пребыванию Аристотеля в Афинах. Во всяком случае, даже если это чисто теоретическая полемика, она мало подходит для турниров в Академии.

Наконец, существует лишь пару свидетельств об упражнениях за пределами текстов Платона и Аристотеля, на которые, по-видимому, никто ещё не обратил внимание. У Филодема в «Истории Академии» и параллельно у Диогена Лаэртского приводится восходящая к общему источнику биография Полемона, который обратился к философии благодаря Ксенократу. В ней противопоставляется его распутная жизнь до обращения к философии и последующая, отличавшаяся воздержностью и невозмутимостью⁵¹. Вслед за описанием его внушительного и строгого внешнего вида упоминается его отношение к диалектическим упражнениям:

(Col. XIV 3-10)	DL IV, 18
[ἐ]δυσ<χ>έραινε δὲ κα[ι] τοῖς εἰς [ἀδύ]γατ' ἀνάγουσι τὰς ἐρωτήσεις, ἀξιῶν ἐν τοῖς πράγμασιν γυμνάζεσθαι. διὸ καὶ κατὰ τὴν ἐπ[ι] χείρησιν ἀσόλοικος ἦν καὶ παν τὸς ἕξω πεπτωκῶς ἀσ τεῖ[σμο]ῦ.	Ἔφασκε δὲ ὁ Πολέμων δεῖν ἐν τοῖς πράγμασι γυμνάζεσθαι καὶ μὴ ἐν τοῖς διαλεκτικοῖς θεωρήμασι, καθάπερ ἀρμονικόν τι τέχνιον καταπιόντα καὶ μὴ μελετήσαντα, ὡς κατὰ μὲν τὴν ἐρώτησιν θαυμάζεσθαι, κατὰ δὲ τὴν διάθεσιν ἑαυτοῖς μάχεσθαι.
Полемон негодовал и на тех, кто в диалектическом рассуждении подводит вопросами к	Полемон же считал, что нужно упражняться в делах, а не в диалектических проблемах, подобно

⁵⁰ Cherniss 1944, 18-19.

⁵¹ Index Academicorum Col. XIII. 10-45, XIV. 1-12 = DL IV, 18.

невозможному,⁵² требуя | тому, кто зазубрил учебник по
упражняться в делах (а не словах). | гармонике, но никогда не
Поэтому и аргументируя | упражнялся (в музыкальном
диалектически он воздерживался от | искусстве), так чтобы, с одной
солецизмов и избегал всякого рода | стороны, он способен вызывать
насмешек. | восхищение своим умением задавать
| (диалектические) вопросы, а, с
| другой, он не в ладах с самим собой
| в отношении своего характера.

Полемон изображен человеком, стремящимся к совершенной нравственной жизни, нацеленным в первую очередь на правильные поступки. В соответствии с этим он предостерегает против упражнений, связанных с изощренной диалектической техникой, рекомендуя вместо этого «упражняться в реальных вещах». На первый взгляд (особенно версия Диогена Лаэртия) это подразумевает предпочтение нравственных поступков всякой теории, но об этом, конечно, не идет речи. Полемон не отказывается от диалектических рассуждений, но лишь советует обращаться к жизненно важным вопросам и рассуждать о них определенным образом. Надо ли понимать это место так, что Полемон отвергает учебные «упражнения», или упражнениями в диалектических проблемах он пренебрежительно называет чуждую ему логическую методологию другого философского направления?

⁵² Каллигас и Цуна переводят как «who used impossibilities as topics of debate» (p. 321), Более верно понимает Hatzimichali 2016, 267: drove questions to impossibilities. ἀνάγω это технический термин диалектики, поэтому, по-видимому, здесь имеется в виду логическая процедура, которую описывает Аристотель (Top. VIII, 2, 157b 34-158a 2): спрашивающий может подвести отвечающего к выводу, который опровергает тезис последнего либо через *reductio ad impossibile*, то есть через допущение, из которого следует невозможное (абсурдное) следствие, опровергающее это допущение, либо без *reductio ad impossibile*. Поскольку отвечающий может оспорить невозможность следствия, Аристотель рекомендует предпочесть второй способ рассуждения.

Более вероятной кажется первая возможность, так как Полемон говорит о том, что служит правильной подготовкой нравственного человека. Так или иначе, можно определенно сказать, что если бы в Академии времен Полемона существовала практика «диалектических турниров», с использованием изощренных приемов аргументации, как они описаны в «Топике», то Полемон вряд ли мог бы высказываться подобным образом.

Существенно также, что критические высказывания Полемона в адрес «упражнений» можно связать с аристотелевской «Топикой». Полемон как «практик» пренебрежительно говорит о диалектических «теоремах», в то время как Аристотель часто использует слово $\theta\epsilon\omicron\rho\eta\mu\alpha$ для обозначения не только научных проблем, но и диалектических (Top. I, 104 b 1). Отвергаемый Полемоном прием аргументации, *reductio ad impossibile*, рассматривается Аристотелем как правомерный, но не всегда эффективный метод опровержения. Стремление Полемона избегать солецизмы, то есть синтаксические неправильности, связанные с согласованием, соответствует стандартам правильности философского языка, которые защищает Аристотель, а позднее стоики (Diog. Laert. 7, 59); но важно, что Аристотель в «Софистических опровержениях» (гл. 14) рассматривает как применение солецизмов, так и обвинение в допущенном солецизме (реальном или мнимом) как софистический прием, который использовался для опровержения оппонента. В данном случае Полемон оказывается на той же стороне, что Аристотель, в качестве противника эристической аргументации.

Таким образом, рассказ о Полемоне (i) не даёт оснований считать, что в Академии упражнения практикуются в качестве институциональной практики; (ii) не содержит сведений о возрастных ограничениях в процессе обучения диалектике. Недовольство Полемона диалектическими упражнениями служит скорее свидетельством того, что в Академии не было институциональной практики учебных диалектических диспутов-турниров. В то же время нельзя исключать, что нападки Полемона на изощренные диалектические упражнения относятся к практике, существовавшей в Ликее. В свидетельстве Диогена Лаэртского присутствует ассоциация

диалектических диспутов с учебным руководством, что может служить намеком на руководства по диалектике Аристотеля и его учеников.

Интересное свидетельство содержит col. 18, 8-16:

<p>τὸ μὲν πρῶτον εἰπ[ὼν] θέσιν ἐπεχείρει κατὰ τὴν ἀπὸ Πλ[ά]τωνός τε καὶ Σπευσίππου [δια]μείναςαν ἕως Πολέμ[ωνος] αἴρεσιν · [εἶ]τα μετὰ [το]ῦτον παρ[εξ]έβη τὸ [τ]ῆ ς Ἀκ[α]δημαϊκῆς ἀγωγῆς [ἧ] γένος ἢ σχῆμα τῆι γε δὴ φ[άσ]ει [τ]ε καὶ τ[ῆι διαλύσει</p>	<p>Аркесилай, сперва (рассуждал), аргументируя против тезиса, в соответствии с практикой, сохранявшейся от Платона и Спевсиппа до Полемона, а затем после него (Полемона) он отступил от рода или формы (рассуждения) Академической школы в пользу утверждения и опровержения одного и того же тезиса</p>
--	---

П. Каллигас и В. Цуна это место понимают так, что Аркесилай сперва в соответствии с обычной академической практикой рассуждал в защиту определенного утверждения, но затем отступил от нее и стал аргументировать сперва утверждая, а затем опровергая один и тот же тезис. Но ἐπεχείρει скорее должно означать «опровергать» (это обычное значение глагола, даже в тех случаях, когда не назван объект опровержения). Возможно, это означает, что выдвинув утверждение Аркесилай аргументировал против того, кто пытался его опровергнуть. Это означало бы, что он рассуждал, подобно Платону в его средних и поздних диалогах, задавая вопросы младшим коллегам и устраняя их возможные возражения в духе конструктивной диалектической беседы. Это является свидетельством, что одним из способов преподавания в Академии была защита тезиса более опытным философом. То, что этот наставник действительно считал это положение достойным защиты (и нуждающимся в ней), видно из противопоставления этой практики той, к которой затем пришел Аркесилай – рассуждения за и против одного и того же тезиса, демонстрирующие необходимость воздержаться от окончательного суждения.

Новый метод Аркесилая обычно понимают как рассуждения за и против одного и того же тезиса. Но параллельное утверждение Диогена Лаэртия (4, 28), буквально означает, что Аркесилай первым ввел в Академию практику аргументации против тезиса и его противоположности (πρῶτος δὲ καὶ ἐς ἑκάτερον ἐπεχείρησε). Цицерон так описывает практику, введенную Аркесилаем: «он вернулся к сократовской практике, забытой до него в Академии, и сам не утверждал ничего, но требовал, чтобы его ученики сами высказывали, что они полагают; затем он высказывал противоположное утверждение, а они должны были защищать свое»⁵³.

Таким образом, мы видим, что не существует достаточных оснований считать, что в программа обучения в «Государстве», в которой обучение диалектике занимает определенную нишу, является отображением обучения в Академии. Нет достаточных оснований утверждать, что Платон был руководителем наук: к свидетельству Филодема необходимо относиться критически, а из астрономических наблюдений Аристотеля не следует, что эта практика существовала в Академии под надзором Платона. Наконец источники, в которых говорится о дискуссиях в Академии не подразумевают, что эти дискуссии носили регламентированный и институциональный характер.

⁵³ Cic. Fin., II, 1, 2 : Qui mos cum a posterioribus non esset retentus, Arcesilas eum reuocauit instituitque ut ii qui se audire uellent non de se quaerent, sed ipsi dicerent quid sentirent; quod cum dixissent, ille contra; sed eum qui audiebant, quoad poterant, defendebant sententiam suam. Энтони Лонг думает, что это свидетельство противоречит приведенным выше свидетельствам Филодема и Диогена Лаэртия (Long 1986, 446-447) и отдает предпочтение Цицерону. Но, видимо, надо понимать все три указания так, что Аркесилай не рассуждал в защиту какого-либо тезиса прямо – он всегда опровергал чьи-то утверждения (очевидно путем вопросов), а затем демонстрировал, что может опровергнуть и противоположный тезис, который защищал другой ученик (в отличие от последующего метода Карнеада, который рассуждал сам, в виде речи, сперва за, а затем против одного и того же тезиса)

Глава 2. Сравнение диалектики Платона и Аристотеля

§ 1. Сходства и отличия диалектики Платона и Аристотеля

Общее сходство диалектики Платона и Аристотеля заключается в том, что это: (i) дискуссии в форме вопросов и ответов; (ii) одной из возможностей диалектики традиционно является опровержение; (iii) и Платон, и Аристотель, предполагают совместное исследование, κοινή σκέψις; (iv) диалектика так или иначе исследует сущности вещей.

Отличие диалектики Аристотеля от Платона

Платон

(1) диалектика, как высшая форма знания, используя такие науки, как счёт, геометрию, астрономию, музыку, избирает своей целью первоначало и обосновывает его (Resp. 533d), устремляется к сущности блага (Resp. 532)

«Тописка» Аристотеля

Среди сфер применения диалектики существует такая, которая занимается поиском начал для других наук (третий вид пользы «Топики»: πρὸς τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας Top. I, 2. 101a 27-28), а обоснование сущности блага, как такового, не входит в её цели; диалектика, согласно Аристотелю, не является высшей философской, либо научной деятельностью;

При рассмотрении третьего вида пользы «Топики», то есть ее пользы для теоретического знания, нет никакой необходимости преувеличивать значение ἀρχαί, начал наук, которые исследует диалектическая процедура. Под началами здесь понимаются такие посылки, которые берутся за исходные в аналитической процедуре для рассуждения в некоторой конкретной науке. Аристотель имеет в виду, что ученый и философ пользуются диалектическим методом, а не научным доказательством при

исследовании аксиоматических начал, недоказуемых первопринципов каждого знания. Как он в точности понимает применение этого метода относительно начал наук, требует осторожного анализа, который не входит в задачи данного исследования. Однако в отличие от Платона Аристотель не рассматривает диалектику в качестве максимума достижимого в науке. Нет у Аристотеля и такого большого подготовительного пути, который необходим для подготовки к диалектике согласно «Государству». Платон, убеждая с большой силой своих читателей в могуществе диалектики, пришел к выводу, что с её помощью можно яснее понять математику (Resp. 511) и что даже математическим исследованиям необходим философский руководитель (Resp. 528b 8 – с 4)⁵⁴. Ничего подобного в «Топике» Аристотеля мы не видим, ведь у него нет ни обращения взора к высшему благу, ни беспредпосылочного начала, ни намеков на онтологически чистый, умозрительный характер математики в диалектическом контексте, ни статуса диалектика как руководителя над другими науками⁵⁵. Мне представляется более правдоподобной та точка зрения, согласно которой не философия Платона влияет тем или иным образом на математику, а ровно наоборот математика повлияла на его философию. Ориентация Платона на математику, а равно и развитие логики в его время, связаны прежде всего с успехами математических доказательств, подтверждением чему служит и связь этих доказательств с логической терминологией (в качестве примера можно привести такие термины, как ὄρος, πρότασις, ἀξίωμα и тд.)⁵⁶. Мне

⁵⁴ Скептический взгляд на Платона как организатора наук в Академии см.: Жмудь 2002: Платон о науке и научном руководстве, 156-161.

⁵⁵ Тот факт, что у Аристотеля нет концепции диалектика как организатора наук, может служить косвенным подтверждением, что таковым не был Платон, который не передал эту концепцию своим ученикам, ведь о диалектическом руководстве над науками, в частности над математикой, Аристотеля в Ликее мы ничего не знаем.

⁵⁶ Ср. попытку А. Сабо доказать обратное, а именно влияние диалектики на математику (Szabó 1969: Das Wort ἀξίωμα, 382-389) и опровержение этой позиции: Зайцев 2000: Греческая математика и формирование приемов логической аргументации, 219-229.

представляется правдоподобным тот факт, что доказательная терминология математики первична по отношению к логике. Примечательно, что появление новых оснований математики в конце XIX – начале XX вв. спровоцировало возникновение нового направления в философии, — аналитической философии, — основывающейся прежде всего на методах новой математической логики.

(2) Согласно «Государству», диалектика, хотя и связана с обучением личности для политической деятельности, заботится только об абстрактных, умопостигаемых, предметах; между тем использование диалектических методов не относятся к ведению общественно-политического обоснования

(3) диалектика не отталкивается от мнений, и она не связана с таким способом исследования, который опирается на мнения (Resp. 533 b); Сократ в процессе аргументации опирался на собственную позицию собеседника.

(4) диалектик знает перечисленные в пункте (1) науки, поскольку они входят в систему образования и являются основанием для диалектического развития личности (Resp. 532)

Второй пользой диалектики называется ἔντευξις, общественные споры в собрании или суде;

Посылками диалектического вывода являются различный перечень возможных мнений: наиболее распространённые, т.е. такие, которые кажутся большинству людей само собой разумеющимся, мнения популярных философов, и т.д. (Top. I, 1, 100b 21-23);

Диалектик может опираться на авторитетные мнения людей, сведущих в других науках, например, врачей; для диалектического спора желательно подготовиться, делать записи из

(5) Платон хотя уже и использует в терминологическом значении слово «метод», тем не менее смешивает в диалектике методологическую сторону, философскую и процедурную, то есть сам диалог в форме вопросов и ответов. Он не различает философию и логику.

различных сочинений, например, из Эмпедокла (Top. I, 14, 105b 12-20) «Топика» является логико-методологическим сочинением. Аристотель приводит различие между рассуждением диалектика и философа.

Аристотель, указывая, в чем состоит различие между философией и диалектикой, находит критерий в форме проведения самого рассуждения: диалектика имеет форму вопросов, направленных к другому лицу; философское рассуждение проводится лицом для себя вне формы вопросов и ответов (Top. 155b 5-15).

Обсуждая пользу «Топики», Аристотель говорит, что это сочинение полезно в том числе и для упражнения (Top. 101a25-30). Логическому методу и эпистемологии Аристотель посвящает всё содержание трактатов «Органона», так что затем в «Метафизике» он скажет, что необходимо заранее изучать формальную логику, пользуясь «Аналитиками», для того чтобы изучать сущее как таковое и истину (Met. IV, 3, 1005b1-5).⁵⁷ Но о

⁵⁷ Смысл этого замечания в том, что некоторые люди делают рассуждения об условиях принятия тех или иных положений в качестве истинных частью метафизического исследования, игнорируя то, что говорится в «Аналитиках», в том числе то, что некоторые положения недоказуемы (Росс в комм. к месту полагает, что Аристотель имеет в виду сказанное в APo I, 3 — некоторые положения мы знаем без доказательств); Аристотель в этом месте говорит, что логику научного доказательства необходимо изучать формально, пользуясь его «Второй Аналитикой», до изучения метафизики (Аналитики не позволяют изучить аксиомы, так как они являются специфическими для каждой науки, но дают

характере упражнений, для которых должна быть полезна «Топике» у нас совсем мало сведений. Стоит признать, что мы не располагаем каким-либо проектом Аристотеля в плане логической пропедевтики. Существуют некоторые замечания Аристотеля по обучению молодых людей (Top. 164a13). Также в завершающем «Софистические опровержения» обзоре он приводит критику образовательных подходов его времени. Это не даёт оснований говорить о назначении «Топики» в первую очередь как учебного руководства, вопреки преобладающему в науке взгляду на это сочинение. Кроме этого, мы достаточно отчетливо видим, что Аристотель не смешивает диалектику и аподейктическую логику как методологии и философию как исследование теоретических проблем, опирающееся на эти методологии. Напротив, у Платона диалектический метод неотделим от собственно философского исследования и не подлежит изучению в отрыве от этого исследования. Более того, для полноценного овладения подобным методом, по замыслу Платона, необходимы определенные интеллектуальные и нравственные задатки, развиваемые через начальное мусическое и гимнастическое образование, разнообразные нравственные испытания, тренировку памяти, а также подготовку в области математики и связанных с ней наук, описанных в пункте (1). Отбор претендентов для воспитания предполагает такие когнитивные способности, как восприимчивость к наукам, сообразительность, хорошая память (535 b-c), а самой главной проверкой для отбора является наличие или отсутствие у испытуемых природных способностей к диалектике (537 c).

Аристотель тоже говорит о природных способностях, которые необходимы занимающимся диалектикой, однако речь идет в первую очередь об интеллектуальных задатках формального плана, обеспечивающих просто больше преимуществ в споре (Top. 163b 10-15).

понимание того, что есть аксиомы и каковы условия для принятия положения как аксиомы см. APr I, 30; APo I, 33; II, 19),

Наконец, в «Государстве» мы видим планомерное описание последовательных этапов обучения и отбора учеников, однако, отсутствуют формальные рекомендации для обучения диалектике. Хотя программа обучения будущих философов в «Государстве» не может точно соответствовать программе занятий в Академии (если таковая вообще существовала в фиксированном виде), вряд ли можно сомневаться в том, что если бы в Академии в то время существовали упражнения в виде диалектических диспутов, Платон не упустил бы возможности как-то упомянуть в своем сочинении о такой практике. Еще более важно, что о существовании подобной практики в Академии не упоминает и Аристотель, например, говоря о полезности «Тоики» для диалектических упражнений. Стоит также обратить внимание на то, что в «Софистических опровержениях» Аристотель, говоря о цели, которую он ставил перед собой, разрабатывая методологию диалектических споров, называет стремление исправить недостатки диалектики Сократа (Сократ только опровергал своих собеседников, не защищая тезис, так как не обладал знанием), то есть его эленктического метода как он изображен в ранних платоновских диалогах (35, 183 a 37- 183 b 8). Он ясно дает при этом понять, что отталкивался в первую очередь от метода Сократа как главного предшественника собственного метода, и ни словом не упоминает о какой-либо диалектической практике Академии.

Таким образом, диалектика «Государства» отличается от диалектики «Тоики» фундаментально, в первом случае это кульминация науки, во втором формальный метод для определенного типа дискуссий.

§ 2. Упражнения в диалоге «Парменид»

Однако в текстах Платона, действительно упоминаются некоторые упражнения (отчетливо в Parm. 135 c-d, также Soph. 218 c), и ученые видели в этих упоминаниях подтверждение того, что упражнения в диалектической

дискуссии действительно применялись в Академии. В первом из этих диалогов Парменид приводит серию аргументов против учения об идеях, но затем указывает, что отказ от этого учения полностью уничтожит возможность диалектического рассуждения. Ошибка молодого Сократа, по мнению Парменида, состоит в том, что он приступил к определению справедливого, благого, прекрасного и т.п., то есть к познанию соответствующих идей, не уделив перед тем внимания неким упражнениям, которыми необходимо усердно заниматься в молодости, чтобы постичь истину. Характер этих упражнений не вполне ясен самому Сократу, поэтому он пытается выяснить у Парменида суть его совета.

А когда Сократ спрашивает «в чем же состоит это упражнение?» (135d6), Парменид отвечает, что оно состоит в том, «что [Сократ] слышал у Зенона». Мы, в свою очередь, не знаем, что Сократ мог слышать у Зенона и в какой форме это упражнение могло бы быть представлено с точки зрения Платона, а также в какой степени упражнение Зенона могло соответствовать тому, что представит сам Парменид, потому что речь Зенона в диалоге опущена и пересказ Антифонтом подробностей беседы начинается только с того момента, когда Сократ, дослушав речь Зенона, начинает атаку на его тезисы. Но из диалога однозначно следует, что Зенон сам *читал* им своё сочинение (ἀναγινώσκειν οὖν αὐτοῖς τὸν Ζήνωνα αὐτόν Parm. 127c), а не разыгрывал дискуссию с каким-либо оппонентом в роли отвечающего и третьим лицом в роли судьи. При этом остальные собрались его послушать (ἐπιθυμοῦντας ἀκοῦσαι τῶν τοῦ Ζήωνος γραμμάτων *ibid.*).

Далее Сократ просит самого Парменида продемонстрировать упражнение и ему демонстрируется подробный план, однако в итоге диалог не проясняет, в какой степени парменидовский пример может быть реализован в конкретных определениях, например, справедливости, блага и т.д.? Отсутствуют уточнения, следует ли для каждого понятия составлять такое пространное рассуждение, или суть метода заключается в том, что будет достаточно рассуждать за и против в форме: x обладает некоторым свойством $\varphi(x)$ и $\neg\varphi(x)$? Таким образом, нет ясной связи с диалектикой из

«Государства», которая направлена к познанию сущности вещей. Не прослеживается связь и с критериями отбора, – к примеру, с высокими нравственными качествами, – необходимыми для первых занятий диалектикой по достижению 30 лет, согласно плану «Государства». Напротив, в «Пармениде» рекомендуется упражняется молодым, при этом конкретный необходимый возраст для упражнений не назван. Сократ, согласно диалогу, был «совсем молод» (Σωκράτῃ δὲ εἶναι τότε σφόδρα νέον 127c), а Парменид призывает его упражняться пока он «ещё молод» (ἕως ἔτι νέος εἶ 135d). Аристотель выбран для упражнения, потому что он самый младший из всех (137d).

Если посмотреть на метод «Парменида» с точки зрения «Топики», то вывод противоречия на каждой ветке рассуждения означает ложность исходных тезисов. Позиция литературного Аристотеля из «Парменида» представлена не агонистически, он честно отвечает на все вопросы, ровно так, как ему кажется, он не упирается, видя приближающееся противоречие, и противоречия возникают не по его вине, т.е. не в силу его собственной позиции по предмету. Беседу в диалоге можно охарактеризовать как κοινὴ σκέψις, совместное исследование, и это первое сходство с «Топикой».

Другое, более общее сходство между упражнениями «Парменида» и аристотелевской «Топикой», заключается в том, что метод рассуждения Зенона и серия рассуждений самого Парменида представляет собой опровержение первоначального утверждения, сделанного в гипотетической форме, путем выведения из него цепочки следствий, ведущей к абсурдному заключению. В «Топике» также основным методом является подведение к утверждению, которое противоположно первоначально принятому. Однако на этом сходства ограничиваются. Хотя рассуждение Парменида ведется в форме диалога, оно не служит опровержению оппонента. Беседа имеет не агональный, но педагогический характер. Старший собеседник сам выводит следствия из первоначального тезиса, ведущие к его опровержению.

Отсутствует в «Пармениде» и важнейший элемент метода «Топики» — противоречие в диалоге выводится из самого тезиса, тогда как в «Топике»

противоречащее утверждение следует из эндоксических посылок, которые заранее известны, имеют безусловный характер и не зависят от рассматриваемого тезиса.

Таким образом у нас нет никаких оснований считать, что упражнения «Парменида» представлены как практика, которая рекомендуется в качестве части учебной программы Академии. Мне представляется достаточно взвешенной позиция К. Майнволд⁵⁸, которая не видит в диалоге институции, однако предполагает, что читатель должен самостоятельно разобраться с аргументацией, предложенной Парменидом. Диалог — это литературная условность, и потому нельзя исключать, что Платон под видом рекомендации представляет метод, которому якобы следовал в дальнейшей жизни Сократ, но который теперь нуждается по мысли Платона в усовершенствовании.

§ 3. Упражнение в «Софисте»

С другой стороны, по разным признакам мы можем утверждать, что процедура упражнения демонстрируется в «Софисте». Сам диалог проходит в вопросно-ответной форме, что является основанием для его атрибуции как диалектического исследования в аристотелевском смысле этого слова. Что в «Софисте» происходит упражнение, мы можем понять по следующим признакам, которые обнаруживаются в замечании Чужестранца перед тем, как он начнет исследование понятия рыбака (Soph. 218 b-d). Между процедурой в «Софисте» и «Топикой» есть некоторое сходство:

(a)	Чужестранец и Теэтет намереваются провести совместное исследование (συσκοπέω) «что такое софист»	У Аристотеля существует упоминание совместного исследования и даже замечание, что не во власти одной стороны хорошо провести исследование (σκέψις). «А поскольку плохой товарищ,
-----	--	--

⁵⁸ Подробней см. Meinwald C. C. Plato's Parmenides. – Oxford University Press on Demand, 1991.

	<p>κοινῇ δὲ μετ' ἐμοῦ σοι συσκεπτέον ἀρχομένῳ πρῶτον, ὡς ἐμοὶ φαίνεται, νῦν ἀπὸ τοῦ σοφιστοῦ, ζητοῦντι с καὶ ἐμφανίζοντι λόγῳ τί ποτ' ἔστι. (218 c)</p>	<p>мешающий общему делу, ясно, что и в дискуссиях такой будет плохим собеседником. Ведь в этих дискуссиях исходно выдвигаемое является чем-то общим, кроме как в агонистических спорах это не так» (Тор. VIII, 11, 161a 38-39). Стоит заметить, что эта рекомендация появляется в отступлении от общей темы порицания собеседника, в котором рассматривается упражнения и испытывание.</p>
(b)	<p>Чужестранец говорит, что «давно было для всех установлено, что сперва нужно упражняться (μελετᾶν) на малых вещах и более легких прежде, чем приступать к самым важным» (218 c-d). ὅσα δ' αὖ τῶν μεγάλων δεῖ διαπονεῖσθαι καλῶς, περὶ τῶν τοιούτων δέδοκται πᾶσιν καὶ πάλαι τὸ πρότερον ἐν σμικροῖς καὶ ῥάοσιν αὐτὰ δεῖν μελετᾶν, πρὶν ἐν αὐτοῖς τοῖς μεγίστοις.</p>	<p>Аристотель критикует только чрезмерно простые тезисы и проблемы, выдвигаемые ради упражнения Тор. I, 11, 105a 3-9: «А всякую проблему и всякий тезис не нужно рассматривать, но только такие, которые могли бы привести в затруднение кого-то, кто нуждается именно в аргументе, а не в наказании или чувственном восприятии. Ведь тот, кто затрудняется тезисом: «Нужно ли почитать богов, а также любить родителей или нет?» нуждается в наказании, а тот, кто затрудняется тезисом: «Является ли снег белым или нет?» нуждается в чувственном восприятии. Нет необходимости в доказательстве того, что под рукой, а также того, что слишком далеко,</p>

		<p>поскольку одно не содержит никаких трудностей, а другое слишком далеко, чем нужно для «техники» упражнения в дискуссии⁵⁹.</p> <p>Οὐ δεῖ δὲ πᾶν πρόβλημα οὐδὲ πᾶσαν θέσιν ἐπισκοπεῖν, ἀλλ' ἦν ἀπορήσειεν ἄν τις τῶν λόγου δεομένων καὶ μὴ κολάσεως ἢ αἰσθήσεως· οἱ μὲν γὰρ ἀποροῦντες «Πότερον δεῖ τοὺς θεοὺς τιμᾶν καὶ τοὺς γονεῖς ἀγαπᾶν ἢ οὐ» κολάσεως δέονται, οἱ δὲ «Πότερον ἢ χιῶν λευκὴ ἢ οὐ» αἰσθήσεως. Οὐδὲ δὴ ὧν σύνεγγυς ἢ ἀπόδειξις, οὐδ' ὧν λίαν πόρρω· τὰ μὲν γὰρ οὐκ ἔχει ἀπορίαν, τὰ δὲ πλείω ἢ κατὰ γυμναστικὴν.</p>
(с)	<p>Наконец чужестранец спрашивает, что им такое выбрать, чтобы оно было «хорошо известно» (εὐγνώστον), а также всем известно (γνώριμον). Это так же отчасти соответствует характеру диалектических посылок программы Аристотеля: ἔνδοξα δὲ τὰ δοκοῦντα πᾶσιν ἢ τοῖς πλείστοις ἢ τοῖς σοφοῖς, καὶ τούτοις ἢ πᾶσιν ἢ τοῖς πλείστοις ἢ τοῖς μάλιστα γνωρίμοις καὶ ἐνδόξοις (Top. I, 1, 100b 21-23)</p>	

Таким образом мы видим, что исследование, что такое быть рыбаком, результатом которого стало определение рыбака, являлось упражнением, по образу которого будет исследовано, что такое быть софистом. Суть метода упражнения ничем не отличается от серьезного исследования. В «Пармениде» только предлагается упражнение, чтобы иметь возможность давать определение разного рода понятиям, но сами понятия по заявленному методу никак не определяются. Отличие между двумя формами упражнения

⁵⁹ κατὰ γυμναστικὴν [τεχνήν], по-видимому, это место необходимо понимать так.

в том, что в «Софисте» берется легкий предмет — рыбак, а в «Пармениде» упражнение совершается на слишком абстрактных и сложных предметах, рассуждение о которых, кроме того что каждый раз приводит к противоречиям, так ещё и не разъясняет, как с помощью этой тренировки определять понятия.

Сходство заключается в том, что (1) упражнение в «Софисте» это не агональная, но кооперативная беседа старшего более опытного философа, который задает вопросы, и младшего, который на них отвечает (аналогичным образом совершается беседа в «Пармениде»). Цель беседы — не опровергнуть выдвинутый в начал тезис, но совместными усилиями прийти к определению сущности предмета. Все определения предлагаются старшим участником, от младшего ожидается лишь согласие или иногда просьба точнее выразить мысль. Этот кооперативный и обучающий характер беседы прямо подчеркнут в словах Элейского чужеземца (217 с – легче рассуждать вместе с собеседником, если тот готов вести беседу миролюбиво, а в противном случае лучше рассуждать одному).

Упражнение в «Софисте» своим кооперативным и дидактическим характером отличается от тех агональных упражнений в диалектике, которые по предположению ученых, происходили в Академии⁶⁰.

В то же время упражнения в «Топике», существенно отличаясь от «Софиста» более изощренной методологией, вполне могут предполагать сходные с «Софистом» кооперативные обучающие процедуры (иными словами, хотя одна из целей «Топики» — это научить побеждать в диспуте, обучение на практике не обязательно имеет исключительно агональный характер).

Но главным является то, что мы не видим ни в «Пармениде», ни в «Софисте», никакой институциональной процедуры, и более того мы не видим даже намёков на институциональную процедуру: наличие судей, как

⁶⁰ Робинсон прав, что «Софист» не подтверждает существования упражнений агонального типа (см. Robinson 1931, 441-442).

судить, какая очередность, кто победит, кто проиграет, с чего начинать, и чем заканчивать. Мы видим, что давно (πάλαι Soph. 218d) было установлено: упражняться на более простых вещах, а потом по аналогии перенести рассуждение на более сложные вещи. Подробности этого установления Платон не разъясняет; сочинение умалчивает, кем именно это установлено, и насколько давно существует эта практика. Существует предположение, что нововведением Зенона была логическая аргументация в форме вопросов и ответов⁶¹, ведь почему-то именно его Аристотель называет изобретателем диалектики⁶². В нашем распоряжении есть комментарий Александра Афродисийского, в котором сообщается, что до того, как появились книги Аристотеля и Феофраста по диалектике, философы упражнялись в диалектических дискуссиях, но не пытались письменно изложить используемую ими методологию, в противоположность тому, что мы видим в «Топике». Александр тоже пишет, что этот способ рассуждения «был привычен для древних». В том месте, где Александр, комментирует три вида пользы «Топики», он пишет об упражнении следующее (p. 27, 35-45 Nauck [Commentaria in Aristotelem Graeca II 2]):

<p>ἦν δὲ σύνηθες τὸ τοιοῦτον εἶδος τῶν λόγων τοῖς ἀρχαίοις, καὶ τὰς συνουσίας τὰς πλείστας τοῦτον ἐποιοῦντο τὸν τρόπον, οὐκ ἐπὶ βιβλίων ὥσπερ νῦν (οὐ γὰρ ἦν πω τότε τοιαῦτα βιβλία), ἀλλὰ θέσεως τινος τεθείσης εἰς ταύτην γυμνάζοντες αὐτῶν τὸ πρὸς τὰς ἐπιχειρήσεις εὐρετικὸν ἐπεχείρουν, κατασκευάζοντές τε καὶ ἀνασκευάζοντες δι' ἐνδόξων τὸ κείμενον. καὶ ἔστι δὲ βιβλία τοιαῦτα</p>	<p>Этот вид речей был привычен для древних, и многие беседы они проводили этим способом, не опираясь на книги как сейчас (ведь тогда еще не было таких книг), но после того как был выдвинут какой-то тезис, участники аргументировали в отношении этого тезиса, упражняя свою способность находить аргументы, обосновывая и опровергая выдвинутое положение,</p>
--	---

⁶¹ Зайцев 2000, 220. См. так же: Mansfeld 1964, 42.

⁶² fr. 65 Rose = DL VIII, 57

Ἀριστοτέλους τε καὶ Θεοφράστου
γεγραμμένα ἔχοντα τὴν εἰς τὰ
ἀντικείμενα δι' ἐνδόξων ἐπιχείρησιν.
πρὸς δὴ τὴν τοιαύτην γυμνασίαν
χρήσιμον εἶναί φησι τὴν διαλεκτικὴν
μέθοδον γάρ τινα εὐρετικὴν τῶν
ἐπιχειρημάτων ἔχοντες (αὕτη δέ ἐστιν ἡ
τῶν τόπων γνῶσις) ῥᾶον ἐπιχειρεῖν
δυνησόμεθα.

на основании эндоксических
посылок. Существуют в этой области
и написанные книги Аристотеля и
Феофраста, содержащие
аргументацию в отношении
противоположных положений через
эндоксические посылки. Таким
образом, Аристотель говорит, что для
такого рода упражнений полезна
диалектика, ведь имея некий метод
который позволяет находить
аргументы, мы сможем легче
аргументировать (а этим методом
является знания топов)

Александр Афродисийский имеет в виду, что до Аристотеля упражнения в аргументации за и против определенного тезиса, опираясь на эндоксические посылки, то есть используя авторитетные мнения в качестве первопринципов, из которых исходит аргументация, а в настоящее время существуют сочинения Аристотеля и Феофраста, с опорой на которые можно аргументировать подобным образом.

Это свидетельство интересно тем, что в нем содержится зародыш идеи современных ученых, что «Топика» Аристотеля представляет собой методологическое руководство для дискуссий, подобные которым существовали задолго до Аристотеля. Примечательно, однако, что Александр Афродисийский не упоминает о какой-либо практике диалектических дискуссий в Академии. Скорее всего, его рассуждение навеяно тем, что говорит сам Аристотель в завершающей главе «Софистических опровержений»: в отличие от риторики, которая имела длительную традицию руководств в искусстве, в области диалектической аргументации не было методических руководств, и обучение было представлено лишь «эристиками», которые учили на примере уже известных рассуждений (34,

183 b 38-184 a 1). Обучиться диалектической аргументации можно было лишь благодаря практике, собственным изысканиям, в течение долгого времени (184 b 1-2). Очевидно эту исключительно практическую сторону обучения диалектики имеет в виду и Александр. Он не говорит о Платоне как основателе дискуссий-тренировок, а также не упоминает возможного места проведения такой практики. Рассматривая три вида пользы «Топики» (Top. 101a 26), он цитирует «Парменида»⁶³. Но эта цитата приводится в связи с третьей областью, для которой может быть полезна «Топика», τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας, которое упоминается Александром как умение аргументировать за и против какого-то тезиса, тут он и говорит, что «с этим согласуется и сказанное Платоном в “Пармениде”» и далее цитирует *Parm.* 135d⁶⁴. Как мы видим, Александр Афродисийский не знает никаких тренировок в Академии, он не рассматривает γυμνασία «Топики» как учреждённую Платоном институциональную процедуру и далее развиваемую Аристотелем. И даже в самих концепциях диалектики между Платоном и Аристотелем Александр усматривает различия. Начиная свой обширный комментарий к «Топике», Александр устанавливает, что термин «диалектика» употребляется в различных смыслах, и что Платон понимает под ним «способность одно свести к многому и многое свести к одному»⁶⁵.

Существует и другое свидетельство, которое, обсуждая упражнения, ничего не сообщает об их институциональном характере. Комментируя «Парменида» Платона, Прокл упоминает точку зрения неких людей, которых он не называет по имени и согласно которым замысел диалога сводится к логическому упражнению. Согласно этому представленному анонимному мнению, «Парменида» следует рассматривать в трех частях: 1) формулировка апорий; 2) описание метода; 3) демонстрация метода на примере единого.

⁶³ Alexandri in Topiconum I, 2. 17 28-31.

⁶⁴ «пока ты еще молод, сдерживай себя и больше упражняйся в том, что кажется бесполезным и что большинство называет болтовней, в противном случае истина будет ускользать от тебя» перевод по Шичалин 2017.

⁶⁵ Alexandri in Topiconum I, 1. 3 16-20.

«Все три части посвящены одному и тому же: тренировке и упражнению в рассуждениях»⁶⁶. Однако эта анонимная точка зрения несколько отличается от того, что нам предлагает Э. Капп, поскольку согласно ей метод «Парменида» принципиально отличен от того, что мы находим в «Топике»: «данный метод не является внефилософским в отличие от топики, посвященной лишь изысканиям в сфере мнения, он позволяет нам успешно завершить охоту за самой истиной»⁶⁷. Тем не менее о упражнениях как о некоторой регулярной практике, или даже институциональной, Прокл ничего не сообщает. Более того, он считает, что целью «Парменида» не являются упражнения в логике⁶⁸.

§ 4. Отличительные черты диалектики Аристотеля

Отличительные черты аристотелевской диалектики таким образом следующие. «Топика» Аристотеля является в античном смысле слова формальным логико-методологическим исследованием. «Топика» даёт в первую очередь метод, который достаточно ясно отделен от возможной пользы, которую этот метод может принести. В этом смысле диалектика не смешивается с философией как у Платона, а отличается от неё, потому что это спор в форме вопросов и ответов, а не «кабинетная философия», как сейчас принято говорить (Тор. 155b 5-15). Наконец, открыв силлогистическую форму, Аристотель приходит к мнению, что наука не основывается на вопросах и ответах, как это было у Платона. Идеи «Второй аналитики» показывают, что диалектика не является методом науки. Однако Аристотель внедряет силлогизм в диалектику, в результате чего получается

⁶⁶ Прокл 2006, 20.

⁶⁷ Ibid. 21.

⁶⁸ «Ныне на основании сказанного следует со всей определенностью заявить: нельзя считать целью рассматриваемого диалога <<Парменид>> упражнение <в логике>, напротив, необходимо придерживаться того мнения, что его замысел состоит в изучении действительных предметов.» (Comm. Parm. 638)

силлогизм основанный на посылках другого семантического типа: на «эндоксических» посылках. Философ различает семантику «эндоксическую» и «аналитическую» (истина, ложь). Интересно отметить, что наши учебники по аристотелевской логике могут изобиловать примерами вроде:

Все бабки бабичные,
Бебик — бабик,
Следовательно, бебик — бабичный.

Семантика этого рассуждения бессмысленна, а, следовательно, здесь нет никакого силлогистического следования несмотря на то, что здесь соблюдается логическая форма, ведь посылки аналитического силлогизма должны быть истинными, но истинность у Аристотеля ещё не определена с такой формальной точностью как в современной логике, использующей различения языка-объекта и метаязыка. Кажется, можно сказать, что истинность, как мы её видим в «Аналитике» и «Топике», является ещё составляющей силлогистической формы. И у философа есть интуитивное понимание, что найдутся высказывания, семантика которых не будет обладать «аналитичностью». Используя эндоксические посылки, по мысли Аристотеля, благодаря истинности топа можно построить диалектический силлогизм, подтверждающий или опровергающий начальный тезис. Безусловно это не значит, что диалектика ненаучна, она просто не является методом науки. Её предназначение — это искусство испытывания.

В «Топике» нет никакого судейства. Попытка рассмотреть слушающих в качестве судей в платоновских диалогах показывает отсутствие какой-либо складности для реконструкции в пользу регламентированных дискуссий (Fink 2012, 12): не существует никакого концептуального судейства в спорах, которые ведутся в платоновских диалогах. Упоминания о судьях в Phd. 63b, e; Rep. I 348a-b; Ti. 29c-d не дают повода говорить о регламентированных наблюдателях за ходом дебатов, поскольку в этих местах слово «судьи» употребляется либо метафорически, либо наоборот порицается. В Ti. 29c-d судьями названы просто слушающие, которые должны «оценить» речь Тимея. Во многих Платоновских диалогах мы можем увидеть слушающую

публику, будь то молодые афиняне и чужестранцы, которое ходят по портику за Протагором, либо слушатели спора Сократа, но ни в одном диалоге нет изображения того, пусть даже и в художественной форме, что слушающая публика должна как-то в институциональном порядке рассудить спорящие стороны⁶⁹. Явного судейства нет и в «Топике» Аристотеля, даже в том месте, которое называют ученые прежде всего и в котором говорится о процедуре порицания аргументов и диспутантов (Тор. VIII 11), в этом месте нет судей, порицание употребляют сами участники диалога. А само по себе наличие слушающей публики, которую могут убедить аргументы (SE 169b 31), не означает, что эта публика должна рассудить спорящие стороны.

В Академии Платона не было институциональных упражнений. В самом деле, при внимательном обзоре можно обнаружить, что образовательные нормы «Государства» предназначаются для стражей и встроены в определенный проект обустройства полисного общества. Не пытался же Платон из своих учеников сделать стражей для дальнейшего построения своего государственного проекта? Ведь если Платоновский Сократ утверждает, что в планируемом государстве будет закон о воспитании (534 d), которое позволит учащимся стать сведущими в дискуссиях в форме вопросов и ответов, то из этого не вытекает, что описанная в «Государстве» последовательность обучения существовала в Академии Платона.

В свете вышесказанного, мы видим, что, во-первых, у Платона не существует концептуального понимания упражнений, тексты нам дают, если и схожую, то только достаточно в общих чертах, картину: сперва на чем-то проводится рассуждение, затем метод переноситься, или должен перенестись, на что-то, чем исходно интересуются собеседники. Как в случае с «Парменидом», так и в случае с «Софистом», мы имеем дело с

⁶⁹ Не найдя судей в диалогах Платона, Я. Финк переложил право судейства на публику, наблюдающую за ходом дебатов, которая упоминается в SE: «роль слушающих выступать в качестве жюри дебатов». См.: Fink 2012, 11-12

честным рассуждением — собеседники пытаются честно разобраться в предмете, они не сопротивляются друг другу и ставят уточняющие вопросы. В обоих случаях мы не видим никаких намёков на институциональные и регламентированные рассуждения, чтобы предполагать наличие в Академии такой практики, даже наоборот упражнения предлагают в обоих случаях не местные философы, а философские гости, которые указывают, что аналогичная практика была установлена уже давно, что может означать и общефилософскую практику того времени, и далеко не обязательно школьно-институциональную. Рассмотрение текстов Платона в качестве источника по школьно-тренировочной практике приводит к большому количеству сложностей, разного рода детали исследователям приходится истолковывать в свете собственных, заранее сформированных представлений, они сталкиваются с необходимостью принимать много маловероятных гипотез, на основании которых будет строиться дальнейшая аргументация, между тем другие факты, которые в их интерпретацию не вписываются просто игнорируются, либо умалчиваются. Наконец, между диалектиками «Топики» и «Государства» существуют большие отличия, что противоречит теории, реконструирующей диалектические тренировки в аспекте их развития от «Государства» и «Парменида» к «Топике», чему последняя должна служить подтверждением. Наконец, такие древние авторы как Александр Афродисийский и Прокл, упоминая упражнения, во-первых, не знают никаких институциональных тренировок в Академии, во-вторых, видят большие отличия между концепциями диалектики Платона и Аристотеля. Более того, уже Прокл прямо отрицает, что упражнения являются целью диалога «Парменид».

Глава 3. Диалектические упражнения в свете целей и пользы «Топики»

§ 1. Датировка и структура

В первом параграфе данной главы мы рассмотрим вопрос о датировке «Топики». Рассмотрение этого вопроса связано с проблемами данного исследования, поскольку ранняя дата «Топики» является основанием для того, чтобы считать Аристотеля организатором или руководителем учебных диалектических диспутов в Академии, а «Топику» формализацией правил подобных диспутов.

Поиск неаутентичных сочинений и разработка методологии критериев отбора подлинных текстов были начаты ещё в античности⁷⁰. Уже древние авторы начали сомневаться в подлинности некоторых сочинений Органона⁷¹. Большинство ученых сегодня согласны с тем, что сочинения Органона принадлежат Аристотелю, однако находят в них следы различных редакций, повторы и проч., и видят в этом указания на длительность работы, незавершенность этих трудов и их обработку позднейшими редакторами⁷². К данному моменту в атрибутивно-хронологических исследованиях развились и закрепились следующие подходы: концептуальный, направленный на изучение доктринальной эволюции автора⁷³; стилометрический анализ, опирающийся на лексику и синтаксис; метод анализа перекрестных ссылок между сочинениями, что позволяет установить последовательность и

⁷⁰ Давид Анахт перечисляет причины неподлинности сочинений: см. Анахт 1976, 104.

⁷¹ К примеру, в подлинности «Категорий» сомневался Олимпиодор. В середине XIX в. Н. Bonitz (см. Bonitz 1853, 593), затем W. Ross и др.

⁷² См. Shields 2012, 10.

⁷³ Относительно Аристотеля исследователей интересует ещё и его отношение к философии Платона.

предшествование одних трактатов по отношению к другим. С помощью данных подходов рассмотрим положение «Топики» в Органоне.

Кажется, большинство ученых согласны с тем, что «Топика» является ранним трактатом. Такое мнение было распространено с начала исследований в области хронологии Аристотелевских сочинений. Труднее определить более точное место трактата в корпусе. Представление о раннем характере «Топики» было вполне очевидным во время В. Йегера⁷⁴. Ранняя датировка трактата связывалась с его происхождением из логических правил Академии⁷⁵. Между тем, уже Х. Майер предположил, что части «Топики» были написаны в различное время: в своем труде «Силлогистика Аристотеля»⁷⁶ он попытался выделить более ранние части «Топики», — это книги II-VII 1-2, написанные до появления теории силлогизма, и более поздние книги I, VII 3-5, VIII, а также примыкающие к ним «Софистические опровержения». Майер полагал, что «Топика» и «Софистические опровержения» целиком написаны до разработки учения о фигурах силлогизма, то есть до «Первой Аналитики»⁷⁷. Более ранний характер книг II – VII, 2 Майер предполагает на основании специфической «платоновской атмосферы» этих частей (несмотря на полемику с учением Платона и Ксенократа), а также на почти полном отсутствии терминов *συλλογισμός* и *συλλογίζεσθαι*. Отдельные случаи употребления этих терминов, которые вполне могут оказаться вставками, не имеют в виду силлогизм в терминологическом значении «Аналитик». Только в *Тор.* VII, 3-5 появляется силлогизм в техническом смысле (но не знание фигур) и силлогизм предстает как новое открытие, а в *Тор.* I, 1 все диалектические выводы названы силлогизмами, то есть кн. I также относится к этому периоду.

⁷⁴ См. Jaeger 1923, 395. Хотя в одном месте В. Йегер говорит о раннем происхождении «Топики» с осторожностью правда без какой-либо аргументации см. *ibid.* 85.

⁷⁵ См. Hambruch 1904, 56.

⁷⁶ См. Maier 1900, 78-82.

⁷⁷ Даже те части Топики, которые показывают знание силлогизма, не знают фигур и правил силлогистики; это относится и к *Тор.* VIII, и к *SE.* см. Maier с. 79

«Софистические опровержения» написаны еще позже этого второго слоя, так как только в них встречается термин ἔλεγχος, и только в этом сочинении появляется обозначение софистической аргументации как пейрастики⁷⁸. Таким образом, получаются три хронологических слоя: 1) Тор. II-VII, 2; 2) VII, 3-5, к которой примыкают книги I, VIII, затем следует редактирование этих книг, то есть добавление тех мест, которые не укладываются в эту хронологическую схему; 3) написание SE и заключительное редактирование всех книг «Топики» и «Софистических опровержений».

Эту гипотезу нужно оценить с современной точки зрения. По-видимому, она содержит верное предположение, что вплоть до окончания работы над «Топикой» и «Софистическими опровержениями» Аристотель еще не разработал учение о фигурах силлогизма и не пришел к другим положениям силлогистики «Первой Аналитики». Другие соображения, с точки зрения концептуального анализа, могут показаться менее убедительными, а именно что кн. II-VII написаны раньше I-й и VIII-й: «платоновская атмосфера» II-VII может объясняться просто тем, что в них Аристотель просто рассматривает различные философские проблемы, в отличие от VIII книги, а отсутствие упоминаний о силлогизме тем, что Аристотель не сосредоточен на технике опровержения.

С точки зрения отсылок одних сочинений к другим мы получаем для «Топики» картину, в целом согласующуюся с Майером. Согласно известной статье Тильшера, у нас есть только четыре отсылки в «Первой Аналитике» к «Топике» и три отсылки в VIII-й книге «Топике», а также одна в «Софистических опровержениях» к «Первой Аналитике»⁷⁹. О времени появления этих отсылок в тексте, как всегда, нелегко судить, но они указывают на тесную связь именно этих частей, и не исключают их близкое по времени написание. Любопытен тот факт, что в «Топике» и «Аналитике»

⁷⁸ Ibid. 80-82.

⁷⁹ См. Thielscher 1948, 235-236.

отсутствуют какие-либо ссылки на другие сочинения, кроме перекрестных ссылок друг на друга, а отсылки из других трактатов на эти сочинения присутствуют⁸⁰. Это позволяет утверждать, что указанные логические трактаты были написаны раньше, чем «Риторика», «Поэтика», «Метафизика», «Политика», «Евдемова этика», «Никомахова этика»⁸¹. Кроме того, интересно, что даже если отсылка в «Топике» к «Первой Аналитике» добавлена позднее, то Аристотель продолжал считать это учение актуальным и после написания «Аналитики». О том же говорят отсылки в «Аналитике» к «Топике».

Еще можно заметить, что это дает нам лишь относительную, но не абсолютную хронологию. Дюринг относит всю «Топику» к первой половине 50-х гг.⁸², но сам не может указать, каких-либо оснований для абсолютной хронологии логических сочинений⁸³, кроме того, что Аристотель использует примеры из платоновских диалогов. Но что это дает, кроме все той же «атмосферы Академии»? Единственное указание на исторические события это AnPo II, 24, 69a2 – Росс относит к 353 г.⁸⁴. Но это дает лишь *terminus post quem*.

При изучении относительной датировки «Топики», наряду с анализом отношения этого сочинения к другим произведениям Аристотеля в концептуальном плане, можно опираться на особенности языка, в первую очередь на частоту встречающихся в сочинении ионизмов. Ганс фон Арним, стремясь доказать, что *Magna Moralia* — это подлинное сочинение Аристотеля, указывал на характерные для койне ионизмы, которые присутствуют в достоверно подлинных трактатах философа. Фон Арним полагал, что сочинения с большим количеством ионийских элементов

⁸⁰ Ross 1949, 23.

⁸¹ Ibid., см. так же: Верлинский 2015, 56.

⁸² Düring 1966, 49.

⁸³ Ibid. 54.

⁸⁴ См. Ross 1949, 22.

должны относиться либо к началу первого афинского периода, когда Аристотель еще не вполне освоил аттическую литературную норму, либо к периоду пребывания вне Афин, когда он в своих лекциях не стремился к строгому соблюдению этой нормы. Однако поскольку диалектизмы встречаются даже в поздних сочинениях Аристотеля, относящихся к его второму афинскому периоду, причем их больше в Никомаховой этике, чем в более ранней Евдемовой, то более вероятно, что Аристотель не изжил ионизмы в своей речи до конца жизни, а относительное количество их в том или ином сочинении свидетельствует о той аудитории, для которой создавалось это сочинение, и (или) степени его последующей литературной отделки⁸⁵. Маловероятно, чтобы логические сочинения с их большим количеством ионизмов, читались первоначально в Афинах, а особенно большой процент ионизмов в «Топике», показывает, очевидно, что это сочинение было менее обработано, чем «Аналитики» (если принять гипотезу фон Арнима, которую защищал также А.Л. Верлинский, о принадлежности ММ Аристотелю, то в необработанном, первоначальном виде его тексты содержали весьма много ионизмов). Так, например, ионийские варианты глагола οἶδα во втором лице единственного числа в форме οἶδας встречаются во «Второй Аналитике» (71a 31, 71b 4) и «Софистических опровержениях» (177b 12, 179a 33). Помимо этого, обсуждался вопрос об употреблении предлога ὑπέρ вместо περὶ с генетивом в значении «о ком, о чем». А.Л. Верлинский насчитал 7 таких употреблений предлога ὑπέρ вместо περὶ в «Топике»⁸⁶. Ещё один случай употребления можно извлечь из рукописи С, если принимать ее чтение ὑπέρ в Top. 101a25.⁸⁷

⁸⁵ см. Верлинский 2015, 46-47.

⁸⁶ Ibid. 45.

⁸⁷ Brunschwig предпочел вариант περὶ: Ὅτι μὲν οὖν πρὸς γυμνασίαν χρήσιμος, ἐξ αὐτῶν καταφανές ἐστι· μέθοδον γὰρ ἔχοντες ῥᾶον {περὶ || ὑπέρ} τοῦ προτεθέντος ἐπιχειρεῖν δυνησόμεθα). Рукопись С (Paris. Coislin. 330, около XI в.) является основной, наряду с рукописями АВ.

По предположению фон Арнима, «Топика» в форме лекций читалась уже за пределами Академии⁸⁸. Старший учитель сам назначал упражнения младшим ученикам, предлагая разобрать тот или иной тезис⁸⁹.

С учетом соображений фон Арнима относительно ранняя датировка «Топики» не обязательно предполагает завершение этого сочинения в Академии. Датирование «Топики» первым афинским периодом основывается главным образом на предмете сочинения — диалектике, которая ассоциируется с Платоном и Академией. Но выражение «раннее сочинение» не обязательно должно означать привязку к диалектическим практикам Академии, о которых мы мало знаем.

§ 2. Раннее ядро «Топики»

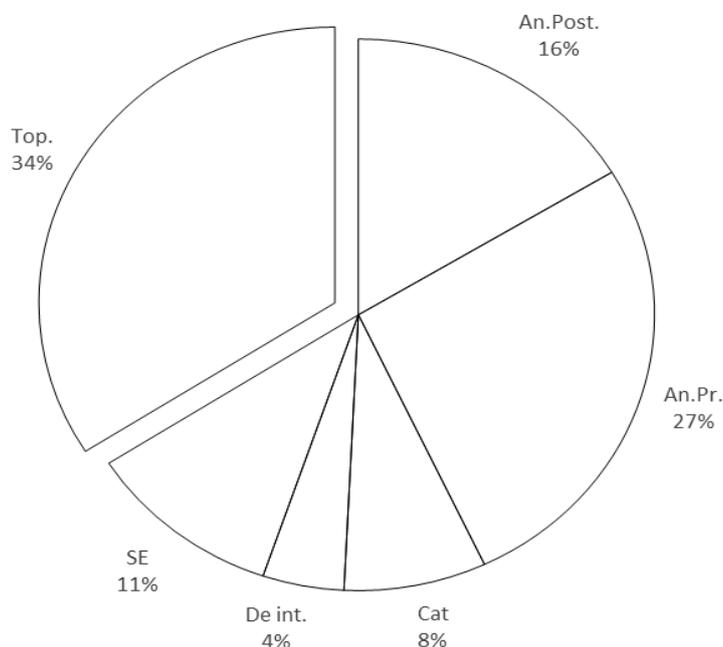
Сбор статистических данных употребляемой Аристотелем лексики подтверждает гипотезы раннего ядра «Топики» относительно окружающих трактат I и VIII книг. Статистика лексики, которую собрала Памела Хьюби, производит впечатление относительной надежности стилистического анализа текста. Опираясь на издание У. Д. Росса она продемонстрировала, что, во-первых, действительно, как предполагал Х. Майер, II-VII, 3-5 являются ранним ядром, во-вторых, к этому раннему ядру следует добавить I 7-18. Со вторым пунктом, кажется, стоит согласиться. Если бы у «Топики» не было введения I 1-6, то её начало было бы очень похоже на «Категории» и «Об истолковании», где отсутствуют подобные введения, а исследование начинается без характеристики предмета, и очерка о полезности. Однако Хьюби интересовал вопрос датировки «Топики» в контексте «Метафизики» и платоновского учения об идеях, в результате чего она сравнивала «Топику» только с достаточно поздними сочинениями. Построим и рассмотрим

⁸⁸ Arnim 1927, 126.

⁸⁹ Ibid. 2.

сравнительно-статистическую таблицу с ионийскими элементами в «Топике» относительно всего Органона⁹⁰.

Процентное соотношение текста в Органоне⁹¹

	καθάπερ	ὡσπερ	δῆλον	φανερὸν	-σσ-	-ττ-
<i>Topica I</i> 1-6	4	2	5	0	0	3
<i>Topica I</i> 7-18	13	0	13	1	4	3
<i>Topica II</i>	15	0	21	1	1	21
<i>Topica III</i>	9	0	9	0	1	23
<i>Topica IV</i>	25	1	30	2	1	14
<i>Topica V</i>	37	0	0	4	0	31
<i>Topica VI</i>	29	1	36	1	2	27
<i>Topica VII</i>	9	1	12	5	0	4

⁹⁰ Для анализа использовалось приложение Diogenes (v. 3.2.0), которое содержит издание И. Беккера.

⁹¹ Доли рассчитаны исходя из отношения суммы символов трактата к сумме символов всего Органона.

<i>Topica VIII</i>	10	3	16	12	0	14
<i>Categoriae</i>	3	5	8	17	0	37
1-9	1	5	3	12	0	33
10-15	2	0	5	5	0	4
<i>De interpretatione</i>	0	19	12	9	0	5
<i>Analytica priora A</i>	25	13	37	95	0	61
<i>Analytica priora B</i>	5	9	17	39	0	31
<i>Analytica posteriora</i>						
<i>A</i>	3	26	38	36	0	43
<i>Analytica posteriora</i>						
<i>B</i>	2	25	25	13	0	14
<i>De Sophisticis</i>						
<i>Elenchis</i>	15	27	18	24	0	43

На примере анализа текста мы видим, что в «Топике» καθάπερ всегда существенно доминирует над ὡςπερ, которое употребляется в единичных случаях. Это доминирование с нарастанием ὡςπερ продолжится в *An. Pr. A*, однако уже в *An. Pr. B*, а затем в *SE* и *Cat.* мы наблюдаем доминирование ὡςπερ. *An. Post.* показывает нам существенное доминирование ὡςπερ над единичными случаями употребления καθάπερ. И наконец в *Int.* полное избегание καθάπερ в пользу ὡςπερ.

Противопоставление δῆλον и φαερόν кажется говорит о исходном доминировании δῆλον, а затем о движении в сторону синонимического употребления этих слов с доминированием φαερόν только в *An. Pr. A*.

Если основываться на стилистическом анализе морфологии, то и в этом случае подтверждается гипотеза Майера о раннем ядре «Топики». Мы можем подтвердить гипотезу о примыкании к этому ядру *Top. I, 7-18* на основании анализа использования элемента -σσ- против палатализованного староаттического элемента -ττ-: именно в главах *Top. I, 7-18* на достаточно малой процентной доли текста относительно всего сочинения встречается

четырёхкратное употребление элемента -σσ- (против трёхкратного -ττ-, все три случая которого это слово τέτταρα (-εξ)). Только в этих главах (i) дважды употребляется слово θαλάσση; (ii) употребляется причастие ἐπιτάσσοντες, элементы -σσ- в которых больше нигде не встретятся у Аристотеля. Наконец, только в этих главах Аристотель употребляет форму ἐλάσσων, в остальных частях трактата встречается только ἐλάττων. Анализ употребления -σσ- против -ττ- показывает, что ионийские формы с элементом -σσ-, хотя и в единичных случаях, но всё ещё встречаются в раннем ядре, однако во введении Top. I, 1-6, а затем в Top. VIII, и наконец в остальных книгах Органона они будут полностью исключены. Например, в Top. IV, 126b 1 мы встречаем единичное употребление формы πράσσειν, которое встретится только в EN, где оно ещё будет конкурировать с πράττειν, и в MM, где также присутствуют оба варианта; кроме того элемент -σσ- в вышеприведенном причастии ἐπιτάσσοντες, не используется в соответствующем глаголе за пределами «раннего ядра»: в Top. VIII мы встречаем двукратное употребление τάττειν.

Наконец, гипотеза Хьюби о позднем характере не всей первой книги, а только Top. I 1-6, подтверждается ещё и аномальным употреблением οὐθέν (и единожды μηθέν) против οὐδέν в этой части.

	μηδέν	μηθέν	οὐθέν	οὐδέν
Topica				
I 1-6	2	1	5	0

οὐθέν и μηθέν⁹² больше не встречаются в Органоне.

Рассматривая логические сочинения Аристотеля, приведенные в каталоге Диогена Лаэртского, мы видим, что сочинения по диалектической тематике присутствуют в большом количестве. Все эти сочинения идут в каталоге практически по порядку, являясь отдельным логико-диалектическим блоком: Λύσεις ἐριστικάι δ', Διαρέσεις σοφιστικάι δ', Περί

⁹² За исключением ещё одного раза в Top. III 116 a 39.

ἐναντίων α', Περὶ εἰδῶν καὶ γενῶν α', Περὶ ἰδίων α', Ὑπομνήματα ἐπιχειρηματικά γ', Προτάσεις περὶ ἀρετῆς α' β', Ἐνστάσεις α', Περὶ τῶν ποσαχῶς λεγομένων ἢ κατὰ πρόσθεσιν α', <Περὶ> ἐρωτήσεως καὶ ἀποκρίσεως α' β', Προτάσεις α', Προτάσεις ἐριστικά α', Περὶ προβλημάτων α', Μεθοδικὰ α' β' γ' δ' ε' ζ' η', Ὅροι πρὸ τῶν τοπικῶν α' β' γ' δ' ε' ζ' η', Συλλογιστικὸν καὶ ὄροι α', Τὰ πρὸ τῶν τόπων α', Τοπικῶν πρὸς τοὺς ὄρους α' β', Ὅρισμοὶ ιγ', Ἐπιχειρημάτων α' β', Θέσεις ἐπιχειρηματικά κε', Θέσεις ἐρωτικά δ', Θέσεις φιλικὰ β', Θέσεις περὶ ψυχῆς α', Ἐνθυμημάτων διαιρέσεις α'.

Помещать все эти сочинения вместе с диалогами в ранний период творчества Аристотеля только на том основании, что они имеют связь с диалектическим рассуждением, неверно. Нет оснований относить «эксотерические» произведения Аристотеля непременно к раннему периоду его творчества, как это делал, например, Росс⁹³; аналогично, по мнению Х. Майера, ранние книги «Топики» II-VIII должны были относиться к периоду написания диалогов⁹⁴. Но ничто не мешает тому, чтобы Аристотель писал диалоги на протяжении всей своей жизни.

Названия опубликованных сочинений свидетельствуют об отдельном и, возможно, более подробном рассмотрении различных тем «Топики». Мы не знаем, предшествовали ли эти публикации окончанию трактата, или представляют собой уже его результаты, но в любом случае работа над тематикой «Топики» должна была растянуться на достаточно большой срок, ведь это и самый большой трактат Органона. Кроме того, введение I, 1-6 и VIII книга написаны уже либо после «Первой аналитики», либо, что более правдоподобно, одновременно с ней. Нельзя исключить, что раннее ядро «Топики» действительно могло писаться ещё во время пребывания в Академии, однако длительность работы над диалектической аргументацией и вероятность того, что «Топика» в ее настоящем виде преподавалась за

⁹³ "...there are more weighty considerations that forbid us to place the Analytics at an earlier date. Aristotle was born in 384. We must allow time for the writing of the early dialogues, which probably occupied pretty fully Aristotle's twenties.» Ross 1949, 22.

⁹⁴ Maier 1900, p. 78, n. 3.

пределами Афин, показывают во всяком случае, что в трактате не следует видеть только руководство для тренировки в спорах в Академии. Более того, из того факта, что «Топика» является ранним сочинением, еще не следует, что Аристотель использовал ее для преподавания в Академии.

Наконец, если верно, что Тор. I, 1-6, наряду с книгой VIII, относятся к поздним частям «Топики», то упражнения в диалектике, которые упоминаются как раз в этих частях, могут быть не связаны с Академией, но относиться к учебным занятиям в школе самого Аристотеля, например, во время его странствий – в Ассосе, на Лесбосе или в Македонии⁹⁵.

Из сказанного следует, что хотя в действительности существуют указания, позволяющие считать «Топику» достаточно ранним сочинением внутри Органона, эта датировка лишь относительна и не позволяет точно определить время ее написания: нет достаточных оснований однозначно датировать завершение работы над «Топикой» периодом пребывания Аристотеля в Академии; ионизмы, встречающиеся в «Топике», скорее указывают, что Аристотель не подверг это сочинение тщательной стилистической обработке, которая ожидалась бы, если бы сочинение писалось в расчете на афинскую аудиторию. Перекрёстные ссылки «Топики» и «Аналитики» позволяют предположить, что «Топика» могла писаться либо дорабатываться на протяжении некоторого, достаточно продолжительного периода. Кроме того, I и VIII книги, имеющие такие ссылки и разъясняющие процедуру диалектического спора, написаны, по-видимому, позже всех остальных, что плохо гармонирует с гипотезой о назначении «Топики» как формального руководства для тренировок в Академии. Эти формальные правила ученые пытаются извлечь как раз из VIII книги.

⁹⁵ В раннем ядре существует рекомендация Аристотеля, что нужно упражняться не на слишком простых проблемах и не на слишком сложных, однако здесь упражнения употребляются в достаточно необычной лексической форме: *κατὰ ὑμναστικὴν* Тор. I, 11, 105a 9.

§ 3. Упражнения как польза «Топики» и цели трактата

Введение «Топики» начинается с указания цели этого сочинения и его пользы. Указание цели в логическом корпусе присутствует ещё во введении «Первой Аналитики», причем в достаточно схожей формулировке, а также в «Софистических опровержениях». Остальные трактаты «Органона» введения не имеют. Введение «Топики», которое, по-видимому, было написано позже раннего ядра, классифицирует типы силлогизмов, вводит в тематику диалектики, — дискуссии спрашивающего и отвечающего, — а также рассматривает элементы онтологических оснований логики этого сочинения: род, вид, частный признак, привходящее и наконец определение. Во введении перед нами, с одной стороны, обоснование пользы сочинения, с другой, краткий очерк того, о чем будет идти речь в основной части «Топики».

Упражнения встречаются в разъяснении пользы «Топики» (Тор. 101a25-30), а затем появляются среди типов дискуссий, сперва в начале пятой главы Тор. VIII, где анализируются цели диспутантов в контексте обсуждения позиции отвечающего, и наконец в контексте «порицания» аргументов и самих собеседников в Тор. VIII, 11, 161a23-161b10, где снова упоминаются различные типы дискуссий и опять в контексте отвечающего.

Формулировка предмета исследования «Топики» имеет следующий вид:

[Тор. 100a 18–21]	Ἡ μὲν	Предмет этого исследования
πρόθεσις	τῆς πραγματείας	μέθοδον — найти метод, благодаря которому
εὐρεῖν	ἀφ’ ἧς	δυνησόμεθα мы сможем строить умозаключения
συλλογίζεσθαι	περὶ παντὸς τοῦ	относительно всякой предложенной
προτεθέντος	[προβλήματος]	ἐξ проблемы, исходя из авторитетных
ἐνδόξων, καὶ αὐτοὶ λόγον ὑπέχοντες		мнений, и сами, защищая тезис, не
μηθὲν ἐροῦμεν ὑπεναντίον.		выскажем ничего

противоречащего.⁹⁶

Диалектическая аргументация, согласно Аристотелю, опирается при опровержении и защите в конечном счете на «эндоксические» посылки, то есть на авторитетные мнения – либо общее мнение большинства, либо, если проблема является чересчур специальной – мнения «мудрецов», т.е. экспертов в данной области, а если они расходятся – то на мнения большинства, среди которых предпочтительней наиболее авторитетные. Посылки диалектической дискуссии не подлежат обсуждению или обоснованию внутри самой дискуссии. Диалектические посылки служат аналогом «первых и истинных начал» в научном знании, к которым сводится в конечном счете научная аргументация (100 a 25-b 23); в отличие от этих последних они не имеют статуса истинных (и даже вероятных) – это лишь посылки, которые признаются участниками дискуссий в качестве авторитетных.

Нетрудно увидеть, что предмет трактата распадается на две части: с одной стороны, рассматривается метод построения умозаключений относительно любой предложенной проблемы – то есть нахождение таких посылок, из которых следует вывод, противоречащий первоначальному утверждению, высказанному в качестве решения предложенной проблемы

⁹⁶ Значение ὑπεναντίον вызывает споры, но естественно понять это слово как относящееся к только что упомянутому ἐνδοξα: однако, если это означает - не говорить ничего, что противоречит авторитетным мнениям, то это противоречит последующему утверждению, что как тезисы отвечающего, так и контртезисы спрашивающего могут как соответствовать подобным мнениям, так и противоречить им (см. Top. VIII, 5, 158 a 38-b 5); возможно, Аристотель не совсем точно таким образом обозначает здесь в качестве общей задачи отвечающего – стараться не высказывать ничего, что может быть опровергнуто как противоречащее в конечном счете авторитетным мнением (ср. SE 12, 173 a 27-29, где ὑπεναντίωςις употребляется в связи с необходимостью принять положение, противоречащее авторитетным мнениям, но ὑπεναντίωμα 30, 181 b 5-6, указывает на внутреннее противоречие отвечающего своему более раннему ответу). Иначе - Smith, 1997, 42-43: Смит предпочитает поэтому видеть в нашем месте более общее значение «непоследовательность» (inconsistent).

(см. Top. VIII, 159 b 4-7); с другой, это метод, позволяющий, защищая этот первоначальный тезис (ὑπέχειν λόγον, буквально «давать отчет»)⁹⁷, не вступить в противоречие с исходным тезисом. Эти две цели относятся к двум участникам диалектической дискуссии — первая к спрашивающему, который «атакует» (ἐπιχειρεῖν) тезис своего оппонента, задавая ему вопросы (πρωτάσεις), требующие однозначного ответа «да» или «нет» — принятое оппонентом подобное «предложение» может послужить прямо или опосредованно посылкой для опровергающего силлогизма; вторая цель относится к отвечающему – метод «Топики» позволит ему, давая ответы, избежать таких, которые будут противоречить «авторитетным мнениям» и могут быть использованы для его опровержения.⁹⁸

Александр Афродисийский, комментируя замечание Аристотеля о трудности обоснования тезиса и лёгкости его защиты⁹⁹, пишет (258, 9-12):

Ἔστι δὲ ἐπιχειρεῖν χαλεπὸν· καὶ
ὑπέχειν ῥάδιον τὰς αὐτὰς ὑποθέσεις.

Ἐπιχειρεῖν μὲν νῦν λέγει τὰ προβλήματα, ἃ καὶ θέσεις ἐστὶν ἔθος αὐτῷ λέγειν· ἐπιχειρεῖν δὲ λέγει τὸ ἐρωτᾶν τε καὶ συλλογίζεσθαι· τὸ γὰρ ἐπιχείρημα διαλεκτικός ἐστι συλλογισμός· ὑπέχειν δὲ λέγει τὸ ἀποκρίνεσθαι.

Здесь проблемы, которые обычно Аристотель называет «тезисами», он называет «гипотезами», а под «нападать» он понимает «спрашивать» и «умозаключать». Ведь «атака» — это диалектический силлогизм, а под «защищать гипотезу», он понимает «отвечать на вопросы».

Одной из причин появления разноречивых мнений на назначения «Топики» является, как мне кажется, неспособность различить приведенные Аристотелем цели диспутантов, типы посылок и пользу сочинения.

⁹⁷ Например, Top 159a38: Ἀνάγκη δὴ τὸν ἀποκρινόμενον ὑπέχειν λόγον.

⁹⁸ См. Brunschwig 1967, xxii.

⁹⁹ Top. Θ, III 158a 31

Исследователи в основном выбирают какой-то один вариант, а затем могут утверждать, что он является главным и ради него написано всё сочинение. Ровно это случилось и с упражнениями (*Top.* I, 2), которые указаны в качестве одной из трех вещей, для которых полезен трактат¹⁰⁰.

Однако могут ли разные виды полезности этого сочинения, взятые по отдельности, в частности упражнения, быть непосредственной целью «Топики»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо различать, с одной стороны, *метод* диалектики, обозначенный как цель трактата в *Top.* I, 1, с другой стороны, конкретные и возможные формы приложения диалектики, т.е. собственно её *пользу*: упражнения, дискуссии в народном собрании или суде, поиск начал всех наук (*Top.* I, 2) — полагаю, что этот список мог бы пополниться ещё каким-то типом полезности, поскольку метод может быть приложен в разных вариантах дискуссионного взаимодействия. Наконец, необходимо отличать *цель* трактата от его *пользы*.

Рассмотрим подробнее то место, где Аристотель различает сферы применения «Топики», одной из которых называется «упражнение».

[*Top.* 101a25-30] Ἐπόμενον δ' Α вслед за сказанным, пожалуй, ἂν εἴη τοῖς εἰρημένοισι εἰπεῖν πρὸς πόσα нужно сказать для скольких и для τε καὶ τίνα χρήσιμος ἢ πραγματοεῖα. каких видов деятельности полезно Ἔστι δὴ πρὸς τρία, πρὸς γυμνασίαν, это исследование. Α именно, πρὸς τὰς ἐντεύξεις, πρὸς τὰς κατὰ полезно оно для трех видов φιλοσοφίαν ἐπιστήμας. Ὅτι μὲν οὖν деятельности: для упражнения, для πρὸς γυμνασίαν χρήσιμος, ἐξ αὐτῶν полемики, для философского знания. καταφανές ἐστι• μέθοδον γὰρ ἔχοντες Что оно полезно в отношении

¹⁰⁰ К примеру, мотивация О. Примавези выбрать упражнения в качестве основной цели тракта, как мне кажется, состояла в том, чтобы показать ложность распространенных мнений в XX веке относительно назначения «Топики». Он не согласен с: а) Wieland 1962, истолковывающего принципы Аристотеля как топы в смысле «рефлексивных понятий»; б) Evans 1977, понимающего диалектику как процедуру перехода от того, что нам более близко к известному самому по себе; в) Rossitto 1987 истинный и собственный метод философии Аристотеля.

ῥᾶον {περὶ || ὑπὲρ} τοῦ προτεθέντος упражнения, ясно из назначения ἐπιχειρεῖν δυνησόμεθα этого метода, ведь имея метод, мы сможем легче проводить аргументацию против выдвинутой проблемы.

Аристотель называет здесь три области применения, диалектического метода, который он намерен изложить в «Топике»: упражнения; диалектические дискуссии, направленные на изменение мнения оппонента; теоретическое знание, в котором диалектика может иметь двоякую функцию – 1) обнаружение трудностей в обоих противоположных тезисах, облегчающее дальнейший поиск истины; 2) рассмотрение недоказуемых первопринципов каждой области знания с точки зрения авторитетных мнений в соответствующей области. Каждое из этих назначений диалектики является предметом научных споров, но нас будет интересовать здесь исключительно характер и роль «упражнений».

Объяснение полезности «Топики» для «упражнения» перекликается с формулировкой цели трактата. В начале «Топики» в качестве первой цели этого сочинения мы видим аналогичную формулировку: «μέθοδον εὔρειν ἀφ’ ἧς δυνησόμεθα συλλογίζεσθαι περὶ παντὸς τοῦ προτεθέντος [προβλήματος] ἐξ ἐνδόξων». ἐξ αὐτῶν в Top. 101a29 означает «из самих вещей, относящихся к упражнению»,¹⁰¹ то есть самого характера упражнений – они направлены на то, чтобы аргументировать за и против выдвинутого положения.¹⁰² Аристотель подразумевает, что в упражнениях в наиболее чистом виде выступает природа диалектического метода.

Перевод μέθοδος как «метод» является слишком узким. μέθοδος вообще может означать совокупность всех положений науки, как чисто

¹⁰¹ К этому значению ἐξ αὐτῶν см. Bonitz H. Index Aristotelicus, 125 a, 34. Ср. употребление «Δῆλον δ’ ἐξ αὐτῶν ὅτι» в Top. 102 b 20-21.

¹⁰² Верно понимает Бруншви́г (Brunschwig 1967, 3): «Qu'il puisse servir a l'entrainement intellectuel, c'est ce qui ressort clairement de sa nature, «то есть из природы этого метода очевидна его полезность для упражнений»

теоретических, так и имеющих практическое значение – обладая этими знаниями, мы будем способны применить его в различных областях, где применима нападающая и оборонительная диалектическая аргументация¹⁰³. Подобно «Риторике», «Топика» — это теоретико-практическое руководство, содержащее как типологию логических суждений, так и практические указания для успешного ведения диалектических дискуссий. Говоря о полезности, Аристотель имеет в виду не исключительно полезность его сочинения для трех названных областей, но полезность той области знаний, для которой его сочинение служит руководством: например, польза «метода» для диалектических дискуссий состоит в знании тех мнений большинства, исходя из которых можно эффективно оспаривать своих оппонентов. Ученые нередко предполагают,¹⁰⁴ что Аристотель намеревался дополнить свой трактат перечислением авторитетных мнений в иерархии их авторитетности, но более правдоподобно, что эти мнения и их относительная авторитетность могут быть изучены лишь на практике, в ходе учебного и реального применения диалектического метода.

Полезность «Топики» для упражнений подразумевает, что это упражнение происходит в форме опровержения и защиты тезиса, при помощи авторитетных мнений с помощью диалектического силлогизма. Но значит ли это, что «Топика» ориентирована преимущественно или даже исключительно на упражнения, как полагает большинство ученых? Этому противоречит то, что Аристотель называет далее две другие области применения «Топики». Но тогда почему упражнение стоит на первом месте? Вполне возможно, что в этом нет никакой скрытой причины, потому что это простое перечисление, которое не содержит субординацию пользы. Отсутствие подробного пояснения, для чего нужны упражнения, в отличие от двух других областей применения «Топики» говорит в пользу того, что

¹⁰³ См., напр., Тор. 101b 2-4: Диалектика, будучи искусством испытывания, ведет к началам всех наук (ἀπασῶν μεθόδων) здесь μέθοδος это синоним только что упоминавшийся ἐπιστήμη (101 a 38).

¹⁰⁴ Smith, 1997, 131.

именно в упражнениях природа диалектической дискуссии выражена наиболее отчетливо. Здесь в отличие от научного применения диалектики, всегда присутствует реальный собеседник (155b 7-10). Что касается «агональной» дискуссии, то некоторые изучаемые умения строить опровержения безусловно рассчитаны на победу в реальном споре (155b 20-28), однако в целом изучаемый метод аргументации имеет идеализированный характер и лишь отчасти необходим для реальной «агональной» дискуссии. Упражнение — это наиболее «чистое» применение диалектического метода, но это еще не означает, что это его единственное применение и что само упражнение — это тренировочные дискуссии.

Теперь следует обратить внимание на то, как сформулирована цель и польза «Топики». В первом случае, мы видим формулировку предмета исследования, являющегося в терминологии Аристотеля *πραγματεία*¹⁰⁵, во втором, перечисление видов пользы — *χρήσιμος*¹⁰⁶. Нетрудно заметить, что перед нами характерная для перипатетиков демаркация науки. Так, например, у Аристоксена мы встречаем в сохранившихся фрагментах сочинения «Об арифметике» попытку объяснить развитие науки, в частности математики, от утилитарной практики к абстрактному исследованию. Аристоксен пишет, что Пифагор превратил арифметику в теоретическую науку, отделив *ἢ περὶ τοὺς ἀριθμοὺς πραγματεία* от *ἢ τῶν ἐμπόρων χρεία*¹⁰⁷. Указанием на *πραγματεία* и *χρήσιμος* открывается и комментарий Александра Афродисийского. В самом начале своего сочинения автор пишет¹⁰⁸:

Τὴν μὲν πρόθεσιν τὴν κατὰ τὴν τοπικὴν Аристотель, сразу начиная свое *πραγματείαν*, καὶ πρὸς πόσα τε καὶ τίνα сочинение, сам называет в качестве *χρήσιμος* ἐστὶ τῷ φιλοσοφοῦντι ἥδε ἡ *предмета* исследование искусства *μέθοδος*, καὶ τί τὸ τέλος αὐτῆς, αὐτὸς топика, а также то, в отношении

¹⁰⁵ Top. 100a 18

¹⁰⁶ Top. 101a 26

¹⁰⁷ Подробнее см. Жмудь 2002, 310.

¹⁰⁸ Alex. In Topic. 3, 5-7

λέγει, τὸ μὲν ἀρχόμενος εὐθύς...

каких именно и скольких видов деятельности *полезен* этот метод для того, кто занимается философией, то, какова *цель* этого метода...

Можно уверенно сказать, что у Аристотеля, как и у Платона, отсутствует конкретная однозначная концепция упражнений. Поэтому Александр Афродисийский не однозначно разъясняет суть упражнений. Под упражнениями он понимает две вещи, связанные с другими видами полезности (In Top. 27, 7-11):

Πρὸς τρία φησὶν εἶναι χρήσιμον τὴν Аристотель говорит, что
διαλεκτικὴν πραγματείαν, πρὸς τε диалектическое исследование
γυμνασίαν. λέγει δὲ γυμνασίαν ἥτοι τὴν полезно для трех видов деятельности,
γινομένην ἐν τῷ διαλέγεσθαι πρὸς τινὰς· и в частности для упражнения. А под
δεχόμενοι γάρ τινα προβλήματα παρὰ упражнением он понимает либо (i) то,
τῶν προσδιαλεγόμενων γυμναζόμενοι что совершается для кого-то в
πειρῶνται τούτοις παρίστασθαι, δι' диалектической беседе в форме
ἐνδόξων τὰς ἐπιχειρήσεις ποιούμενοι· ἢ вопросов и ответов, ведь, когда
γυμνασίαν λέγοι ἄν τὴν εἰς ἑκάτερον принимают какие-либо проблемы от
μέρος ἐπιχείρησιν· ἢ γυμνασίαν λέγοι своих собеседников, упражняясь,
ἄν τὴν εἰς ἑκάτερον μέρος ἐπιχείρησιν. пытаются им помочь, совершая
аргументацию, исходя из общих
мнений. (ii) Или под упражнениями
он может быть понимает
аргументацию в отношении к каждой
из двух частей вопроса.

Далее Александр Афродисийский, разъясняя пользу диалектики для других видов деятельности, а именно публичных споров и науки, концентрирует наше внимание на следующих вещах: а) в отношении второго вида пользы дискуссия с необразованной публикой невозможна с опорой на научные положения, для чего необходимо прибегать к авторитетным мнениям и дальше умозаключать от индуктивных доводов (ср. Top. 157a 17-20); б) в

отношении третьего вида пользы, а именно философского и научного знания, необходимо тренироваться в аргументации за и против установленного тезиса. Именно здесь приводится цитата на платоновский диалог «Парменид»: «С этим согласно сказанное Платоном в “Пармениде”»: “пока ты еще молод, сдерживай себя и больше упражняйся в том, что кажется бесполезным и что большинство называет болтовней, в противном случае истина будет ускользать от тебя”»¹⁰⁹ (*In Top.* 29, 3-5) и далее: τοῦτοίς τις ἐγγυμασμένους οὐκ ἂν ὑπ' αὐτῶν παράγοιτο «а некто натренировавшись в аргументации в две стороны (τούτοις), пожалуй, не будет ими [скрывающими истину] введен в заблуждение»¹¹⁰. Интересная деталь — Александр не обращает внимание на сам метод рассуждения Парменида, и в отличие от Прокла, не говорит об отличии двух методов в плане обнаружения истины. Соответственно, мы видим, что процитированное выше разъяснение двусторонности упражнения раскрывается в двух других видах пользы, исходя из чего можно сделать вывод, что в понимании Александра Афродисийского упражнения являются подготовительным этапом для такого рода дискуссий, и только поэтому они располагаются первыми в перечислении полезных видов деятельности в «Топике».

Чтобы разъяснить, что такое упражнения, Александр Афродисийский в одном случае связывает их с процедурой испытывания и опирается на *Top.* VIII, 5 159a 25, в другом, с рассуждением в две стороны и опирается на *Top.* VIII, 14 163a 30-35¹¹¹.

Аристотель очень часто рекомендует тщательно готовиться к дискуссии как спрашивающему, так и отвечающему. Первому необходимо заранее продумывать порядок вопросов (*Top.* VIII, 1), а другому нужно подготавливать доводы (*Top.* VIII, 9). Структура заключительной восьмой

¹⁰⁹ Цитаты по Шичалин 2017, 264.

¹¹⁰ *In Top.* 29.9-10

¹¹¹ Во втором случае примечателен оптаив, который свидетельствует о некоторой доли неуверенности Александра *In Top.* 27, 11: ἡ γυμνασίαν λέγοι ἂν τὴν εἰς ἐκάτερον μέρος ἐπιχείρησιν.

книги «Топики», описывающей то, что в современной логике называется структурными правилами¹¹², делится на две части: правила для спрашивающего (до IV гл.) и правила для отвечающего (от IV гл. до XII гл.).

Упражнения наряду с испытыванием появляются в пятой главе (*Top.* VIII, 5 159a 25) в контексте обсуждения задач отвечающего, где рассматриваются цели диспутантов, причем такое употребление не случайно и повторяется в *Top.* 161a25 и аналогично в контексте отвечающего.

В *Top.* VIII, 5 159a у нас есть важнейшее свидетельство, что правила для отвечающего, которые намерен разработать Аристотель, предназначаются не только для «упражнения», но и для «испытания» и «исследования», причем сказав сперва об «упражнении и испытании», Аристотель затем говорит только об «исследовании» и «испытании и исследовании». Бруншви́г в примечании к этому месту сводит это к двум назначениям — интеллектуальная гимнастика и серьезная диалектическая беседа, которая может принимать характер испытания, если отвечающий претендует на знание, и совместного исследования, если он скромно отрицает обладание знанием (и то, и другое имеет аналогии в платоновских диалогах)¹¹³.

Диалектика Аристотеля, с одной стороны, имеет опровергающую часть, с другой, это процедура совместного исследования — σκέψις и πείρα. Часто исследователи пишут, что πείρα это процедура Сократа, однако, как было показано в первой главе, это верно только отчасти, поскольку диалектика Аристотеля, как и Платона, помимо опровержения стала совместным исследованием. В контексте диалектической позиции

¹¹² Структурные правила — термин из современной диалогической логики К. Лоренца (Rahmenregeln), под которым понимаются правила, регламентирующие ходы участников диалога, порядок постановки вопросов — «атак», и защиты. У Аристотеля под «структурными правилами» можно понимать, например, как построить порядок вопросов, перемешивать посылки, строить энтимемы, эффективно убеждать наведением и т.д.

¹¹³ Brunschwig 2008, 279: n. 3

отвечающего γυμνασία употребляется вместе с πεῖρα (159a 25) и в этом же абзаце чуть дальше πεῖρα употребится с σκέψις (159a 33):

- 1) τοῖς γυμνασίας καὶ πείρας ἔνεκα τοῦς λογοῦς ποιούμενοις (159a 25)
- 2) τοῖς ... χάριν ... πείρας καὶ σκέψεως τοῦς λογοῦς ποιούμενοις (159a 33)

В паре с πεῖρα будет употреблено γυμνασία и далее в контексте позиции отвечающего (Top. 11). Смысл этой главы показывает поведение сторон при совместном исследовании. Если отвечающий умышленно сопротивляется, то дискуссия становится непродуктивной и начинает превращаться в спор ради спора (они ἀγωνιστικὰς καὶ οὐ διαλεκτικὰς ποιοῦνται τὰς διατριβὰς 161a24). Чтобы это предотвратить, можно сделать отвечающему упрек (ἐπιτίμησις). Мысль об общем деле в этой главе высказывается дважды, сперва в начале, когда говорится, что не «в ведении одной стороны хорошо завершить совместное дело (τὸ κοινὸν ἔργον)» (161a20), а затем этим заканчивается идея абзаца: 1) общему делу мешать не нужно (161a35-38); 2) общему делу может помешать как отвечающий, так и спрашивающий; 3) делая упрек собеседнику, необходимо отдавать себе отчет, что можно упрекнуть отвечающего за его поведение, а можно упрекнуть «довод сам по себе».

Так или иначе, ясно, что перед нами не правила для учебного турнира, но универсальные правила диалектической дискуссии. Это не противоречит тому, что «Топика» служит учебным пособием также и для диалектических упражнений. Но поскольку Аристотель не различает рекомендации для серьезных диалектических дискуссий и упражнений, то, по крайней мере, из этого места следует, что все дальнейшее относится не к «турнирам», но в равной степени к серьезным дискуссиям и к упражнениям

Интересно еще, что Аристотель отличает правила для гимнастики и упражнения от агональной дискуссии. В агональной дискуссии отвечающему нужно стремиться уклониться любой ценой от согласия на посылки, из которых будет следовать опасное для него умозаключение, в упражнении и испытании необходимо пользоваться только логическим и «психологическим» оружием. Это, на первый взгляд, противоречит тому, что

«Топика» предназначена для подготовки к агонам, наравне с научной диалектикой и упражнением (101a 30-34).

Кроме того, если мы исходим из того, что упражнение — это тренировка для реальных «агонов» в суде и народном собрании, то одно из умений, которое там необходимо, это аргументировать исходя из принятых большинством авторитетных мнений — к этому изучившие предмет сочинения будут готовы, «перебрав» все мнения большинства (101a 31). Это наводит на мысль, что изучение диалектики предполагает не только изучение формально корректных методов аргументации, но и содержательное изучение того, что можно считать авторитетными мнениями. В этом плане также «упражнение» в диалектике может предполагать разбор подходящих и неподходящих для умозаключения посылок, то есть соответствующие упражнения.

В последней главе «Топики» дается ряд рекомендаций для занятий в подготовке к диалектике. Во-первых, предлагается процедура превращения тезиса, которая полезна как для спрашивающего, так и для отвечающего. Во-вторых, сравнение аргументов тезиса – хорошее средство, с одной стороны, для ἐπιχειρήματα, с другой, для опровержения (τὸ ἐλέγχειν).

Наконец, после того как в Top. VIII, 13 указаны различные способы каким может утверждаться опровержение исходного тезиса, Аристотель переходя к теме упражнения в таких доводах и используя два синонима γυμνασία и μελέτη¹¹⁴, (последнее употреблялось в «Софисте», когда собеседники упражнялись на рыбаке), говорит: «ведь таким образом мы будем иметь больше возможностей [приводить доводы против] обсуждаемого, а также мы узнаем много доводов посредством немногих». В этом месте имеется в виду опровергающая процедура по смыслу предыдущей 13 главы, и последующей части текста. Но πρὸς τε τὸ λεγόμενον (163a 31) значит, что упражнение проходит в процессе некоторого обсуждения, однако саму практику оборачивания заключения можно тренировать самостоятельно

¹¹⁴ Top. VIII, 14, 163a29

(163b 3-4) вместе с другими навыками необходимыми для спора. Всё это показывает, что тренировка в оборачивании посылок не является *in utramque partem*, а нужна просто для того чтобы собрать больше доводов¹¹⁵. Самостоятельная тренировка в этой процедуре подтверждает, что упражнения не носят институциональный характер!

Дальше Аристотель скажет, как надо приобретать диалектические навыки 164a13 «Молодому человеку нужно упражняться со сведущими в индукции, а опытному человеку со сведущими в силлогизмах»; об упражнении посредством индукции уже говорилось в первой книге: используя индукцию, необходимо разобрать к какому типу относится диалектическая проблема (105b 19-29). Из этой части мы видим, что некто уже имеющий диалектический навык может упражнять желающего овладеть таким умением: обучаемый должен перенять способности в индукции и подборе посылок для силлогизма. Наконец, Аристотель перечислит всё, что необходимо усваивать с помощью упражнения (164a 16-19):

<p>Ὅλως δ' ἐκ τοῦ γυμνάζεσθαι διαλεγόμενον πειρατέον ἀποφέρεσθαι ἢ συλλογισμὸν περὶ τινος ἢ λύσιν ἢ πρότασιν ἢ ἔνστασιν, ἢ εἰ ὀρθῶς τις ἤρετο ἢ εἰ μὴ ὀρθῶς, ἢ αὐτὸς ἢ ἕτερος, καὶ παρὰ τί ἑκάτερον.</p>	<p>Вообще посредством упражнения рассуждающему необходимо стараться усвоить или (i) силлогизм о чем-то, (ii) или раскрытие, (iii) или посылку, (iv) или возражение, (v) или понять правильно ли некто задает вопросы или неправильно, как сам он, так и другой, и, наконец, (vi) из чего следует каждая из частей противоречия.</p>
---	--

Это место ясно показывает, что упражнения могут иметь различную форму, ведь оборачивание посылок и аргументация к противоположностям необходимым образом не относятся ко всему перечисленному.

¹¹⁵ Оборачивание посылок имеет больше связи с An. Pr. II, 9. Однако в Top. VIII, 14 Аристотель ещё не знает фигур силлогизма и не использует переменные.

Таким образом мы видим, что с одной стороны упражняющийся может находиться в позиции отвечающего и упражнение может совершать с ним более опытный в диалектике собеседник, подобно тому как это упражнение совершается в «Софисте» или «Пармениде» (так понимает и Александр Афродисийский). С другой стороны, на этом останавливаться не стоит и следует упражняться, используя всю методологию, которую Аристотель предлагает своим читателям. Так будет получена способность в диалектике и так будут получены навыки быстро ориентироваться в аргументации (SE 175a 23-26). Перечислим советы Аристотеля для упражняющихся: 1) учиться с помощью индукции относить проблемы к определенной тематике (105b 19-29); 2) оборачивать посылки (163a 29-32) и понять из чего следует каждая часть противоречия (παρὰ τὴ ἐκάτερον 164a 19); 3) перенимать правильные сравнения и силлогизмы от обладающих лучшими диалектическими способностями (164a 12-13); а также стараться получить 4) раскрытие; 5) посылку; 6) возражение; наконец, 7) выяснить правильно ли поставлен вопрос (164a 16-19). Самостоятельное упражнение в аргументации — это ещё одно важное свидетельство против того, что Аристотель пишет «Топику» для институциональных споров в Академии.

Заключение

Если «Топика» рекомендует упражнения, это не означает, что она обязательно предполагает их существование в регламентированной форме. Вместо призрачных упражнений в Академии в качестве источника методологии «Топики» важно учитывать ранние платоновские диалоги. Эндоксические посылки встречаются у Сократа, однако опровержение Сократа направлено на собственное убеждение собеседника. Напротив, «Топика» опирается на «эндоксические» посылки, то есть на такие, которые кажутся само собой разумеющимся либо всем, либо большинству, либо самым мудрым. Относительно логико-концептуальной стороны вопроса у Сократа представлено только определение сущности, а Аристотель совершенствует метод, обогащая его метафизическим аппаратом.

Надежных свидетельств того, что Платон на каком-либо этапе своего философского развития рекомендовал практику формальных диспутов в качестве средства обучения философскому методу не существует. Платоновское понимание диалектического метода как метода отыскания истины и отсутствия интереса к его формализации оставляет мало места для поощрения им практики безразличных к истинности упражнений в споре. Не обнаруживаются свидетельства существования в Академии регламентированной практики учебных диспутов и помимо диалогов. Пародируемая в комедии беседа академиков имеет не формальный, но познавательный характер; она не конкурентивна, но кооперативна, вполне согласуюсь с описанием диалектических бесед в поздних диалогах.

Относительно ранняя дата написания «Топики» допускает, что это сочинение было задумано, а возможно, частично или полностью написано еще во время пребывания в Академии. Она безусловно отражает поиски Академии идеального философского метода для определения сущности вещи, однако сама «Топика» ставит своей целью не научное доказательство истинности определения, но установление критериев логической

корректности определения плюс его убедительности в практическом смысле: посылки диалектических силлогизмов не истинны, но «авторитетны», их выводы обладают убедительностью в силу убедительности посылок в определенной среде, а также корректности самого умозаключения.

«Топика» Аристотеля предстает тем самым как оригинальная, не имеющая прецедентов методология ведения дискуссий, которая может служить формальным руководством для подготовке к политическим, судебным, в ограниченном виде (обсуждение первопринципов) также философским и научным, а кроме того — учебным дискуссиям. Несмотря на высокую степень формальности, «Топика» не может рассматриваться как руководство для школьных «турниров»: неудачны попытки найти в ней следы правил турнира, рефери, указаний для организации «игры по правилам». Порядок «упражнений», для которых «Топика» должна служить руководством, в ней самой не описывается, наоборот существуют различные рекомендации в разных частях трактата и заключительной части, что свидетельствует в пользу того, что упражнения не были строго регламентированы. «Топика» служит руководством для определения корректности высказываний, в первую очередь, для выявления логических ошибок оппонента, но также для того, чтобы избежать их в собственных рассуждениях.

Список литературы

Источники

1. Alexandri Aphrodisiensis. In Aristotelis topicorum libros octo. Ed. M. Wallies, CAG II, 2, 1891. 712 p.
2. Aristotle. Posterior Analytics. Topica / S.E. Forster, London: Harvard University Press. 1960. p. 754.
3. Aristotelis. Organon graece. / ed. T. Weitz. P. II. Lipsiae: Sumtibus Hahnianis. 1846. 599 p.
4. Brunschwig, Jacques (ed. & trans.), 1967. Aristote, Topiques I–IV, Paris: Les Belles Lettres.
5. Brunschwig, Jacques (ed. & trans.), 2007. Aristote, Topiques V–VIII, Paris: Les Belles Lettres
6. Kassel R., Austin C. (ed.). Poetae Comici Graeci. Vol. 4. – 1983.
7. Ross W. D. Aristotle's Prior and Posterior Analytics: A Revised Text with Introduction and Commentary. Oxford: Clarendon Press, 1949.
8. Давид Анахт. Анализ Введения Порфирия / Сводный критич. текст, пер. с древнеарм., предисл. и примеч. С. С. Аревшатына; - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. - VI-XXXI, 211 с.
9. Платон. Парменид / Перевод, введение и комментарии, приложение, указатель имен Ю.А. Шичалин. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. 264 с.
10. Прокл. Комментарий к «Пармениду» Платона / Пер. с древнегреч., статья, примеч., указатели, список литературы Л.Ю. Лукомского.— СПб.: Мирь, 2006.— 896 с.
11. Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи. М.: Ладомир, 2013. 1072 с.

Исследовательская литература:

- 12.Верлинский, А. (2015). Родосец Ментор и датировка «Большой этики» Аристотеля. *Philologia Classica*, 10, 31-66.
- 13.Диллон Д. Наследники Платона: исследование истории Древней Академии (347-274 BC). – 2005. 281 с.
- 14.Жмудь Л.Я. Зарождение истории науки в античности. СПб: РХГИ, 2002, 424 с.
- 15.Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э. – СПбГУ, 2000. 320 с.
- 16.Щербаков М.И. Рецензия на книгу: Платон. Парменид // *Vita Cogitans: Альманах молодых философов*. Вып. 11. Философия как строгая наука? СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — с. 134-145.
- 17.Arnim H. von. Das Ethische in Aristoteles' Topik. Wien : Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1927 (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 205. Abh. 4). 113-137 p.
- 18.Bodnar I. M. he Study of Natural Kinds in the Early Academy // *PLATO'S ACADEMY* ed. by Paul Kalligas, Chloe Balla. Cambridge University Press, 2020. 153-166 p.
- 19.Bodnár I. M. Wissenschaft und Philosophie in der Akademie // *Wissen und Bildung in der antiken Philosophie*. – JB Metzler, Stuttgart, 2006. – С. 257-268.
- 20.Bonitz H. Über die Kategorien des Aristoteles. – Wien: Hof-und staatsdruckerei, 1853. 593 p.
- 21.Bonitz H. Index Aristotelicus, included in vol. 5 of *Aristotelis* // *Opera*, Berlin: Georg Reimer. – 1870.
- 22.Brunschwig J. Aristotle on arguments without winners or losers // *Wissenschaftskolleg Jahrbuch*. – 1984. – T. 1985. – С. 31-40.

23. Brunschwig Rezenion von Primavesi 1996. In: Archiv für Geschichte der Philosophie 80/3 (1998), 335–340.
24. Burnet J. Greek Philosophy. Pt. 1, Thales to Plato. – 1914.
25. Cherniss H. F. Aristotle's Criticism of Plato and the Academy. – 1944.
26. Cherniss H. The riddle of the early Academy. Berkeley 1945.
27. Düring I. Aristoteles: Darstellung und Interpretation seines Denkens. Heidelberg, C. Winter Universitätsverlag, 1966.
28. Evans J. D. G., Evans J. D. G. Aristotle's concept of dialectic. – Cambridge University Press, 1977.
29. Fink J. L. (ed.). The development of dialectic from Plato to Aristotle. – Cambridge University Press, 2012.
30. Fossheim H. Division as a Method in Plato. // The development of dialectic from Plato to Aristotle ed. by Fink J. L. Cambridge University Press. 2012. 91-114 p.
31. Frede D. Platons mathematisches Curriculum // Wissen und Bildung in der antiken Philosophie. – JB Metzler, Stuttgart, 2006. – C. 127-146.
32. Gomperz T. Griechische Denker: eine Geschichte der antiken Philosophie. Bd. 3. – Verlag von Veit & comp., Berlin, Leipzig, 1912. 664 p.
33. Glucker J. Plato in the Academy: Some Cautious Relections // PLATO'S ACADEMY ed. by Paul Kalligas, Chloe Balla. Cambridge University Press, 2020. 89-107 p.
34. Grote G. Aristotle: Vol. I: in 2 volumes / by George Grote; edited by Alexander Bain and G. Croom Robertson. London: John Murray, 1872. 476 p.
35. Hambruch E. Logische Regeln der platonischen Schule in der aristotelischen Topik. – Weidmann, 1904. – T. 56.
36. Hatzimichali M. The Academy through Epicurean eyes: some lives of academic philosophers in Philodemus' Syntaxis. – 2016.

37. Jaeger W. *Aristoteles: Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. Berlin, 1923 p. 85, p. 395.
38. Kapp E. Artikel „Syllogistik“ // Pauly-Wissowa, *Realencyklopädie d. klass. Altertums*. – 1931.
39. Kapp E. *Greek foundations of traditional logic*. – Columbia University Press, 1942.
40. Karasmanis V. *Plato and the Mathematics of the Academy // Plato's Academy: Its Workings and its History*. – 2020. – 108-140 p.
41. Krämer H. J. *Die Ältere Akademie // Die philosophie der Antike*. Bd. 3, 1-173.
42. Long A. A. *Diogenes Laertius, Life of Arcesilaus // Elenchos*. – 1986. – T. 7. 429-449 p.
43. Malink M. Christof Rapp/Klaus Corcilius (Hrsg.): *Aristoteles-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung // Forum Classicum*. – 2012. – №. 3. – pp. 65-74.
44. Mansfeld J. *Die Offenbarung des Parmenides und die menschliche Welt*. Assen, 1964. 258 s.
45. Marrou H. I. *A History of Education in Antiquity*, trans // G. Lamb, New York. – 1956. – C. 434.
46. Maier H. *Die Syllogistik des Aristoteles*. – H. Laupp, (3 voll., 1896—1900).
47. Meinwald C. C. *Plato's Parmenides*. – Oxford University Press on Demand, 1991.
48. Müller C.W. *Platons Akademiegründung // Hyperboreus, Petropoli, Vol. 1*, 1994. pp. 56–73
49. Primavesi O. *Die aristotelische Topik: ein Interpretationsmodell und seine Erprobung am Beispiel von Topik B*. – CH Beck, 1996. – T. 94. 293 p.
50. Reeve C. D. C. *Aristotle's Philosophical Method*. The Oxford Handbook of Aristotle Edited by Christopher Shields Print Publication Date: Aug 2012 Subject: Philosophy, Classical Philosophy Online Publication Date: Nov 2012.

51. Robinson R. The historical background of Aristotle's Topics VIII // Proceedings of the Seventh International Congress of Philosophy. – 1931. – 437-442 p.
52. Robinson R. Plato's earlier dialectic. – 1953. 239 p.
53. Rossitto, C. Problemi e ricerche sulla dialettica aristotelica // Cultura e Scuola 26, 1987. 102-113 p.
54. Ryle G. Dialectic in the Academy // Aristotle on Dialectic. The Topics. Proceedings of the third Symposium Aristotelicum / Ed. By G.E. Owen. Oxford, 1968. 69-79 p.
55. Ryle G. Plato's Parmenides // Mind. – 1939. – T. 48. – №. 190. – 129-151 c.
56. Ryle G. Plato's Progress. Cambridge: Cambridge University Press, 1966. 311 p.
57. Szabó A. Das Wort ἀξιωμα // Anfänge der griechischen Mathematik, Budapest. 1969. – Teil 2. – § 22. – p. 382-389
58. Shields C. Aristotle's philosophical life and writings // The Oxford Handbook of Aristotle. – 2012. – 3-13 c.
59. Shorey P. What Plato Said. Chicago: University of Chicago Press – 1933. 378 p.
60. Smith R. Aristotle's Logic: 8.3.1 Gymnastic Dialectic, The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Feb 17, 2017 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-logic/#DiaArgArtDia>
61. Smith R. Aristotle: Topics: Books I and VIII with excerpts from related texts. – Clarendon Press, 1997. 207 p.
62. Stemmer P. Platons Dialektik. Die frühen und mittleren Dialoge. B.; N. Y., 1992.
63. Thielscher P. Die relative Chronologie der erhaltenen Schriften des Aristoteles nach den bestimmten Selbstzitatzen // Philologus. 1948. Bd 97. S. 229–265.
64. Vlastos G., Gregory V. Socratic studies. – Cambridge University Press, 1994.

65. Wieland W. Aristotle's Physics and the Problem of Inquiry into Principles'. – 1975.
66. Zürcher J. Aristoteles' Werk und Geist. – 1952. 456 p.